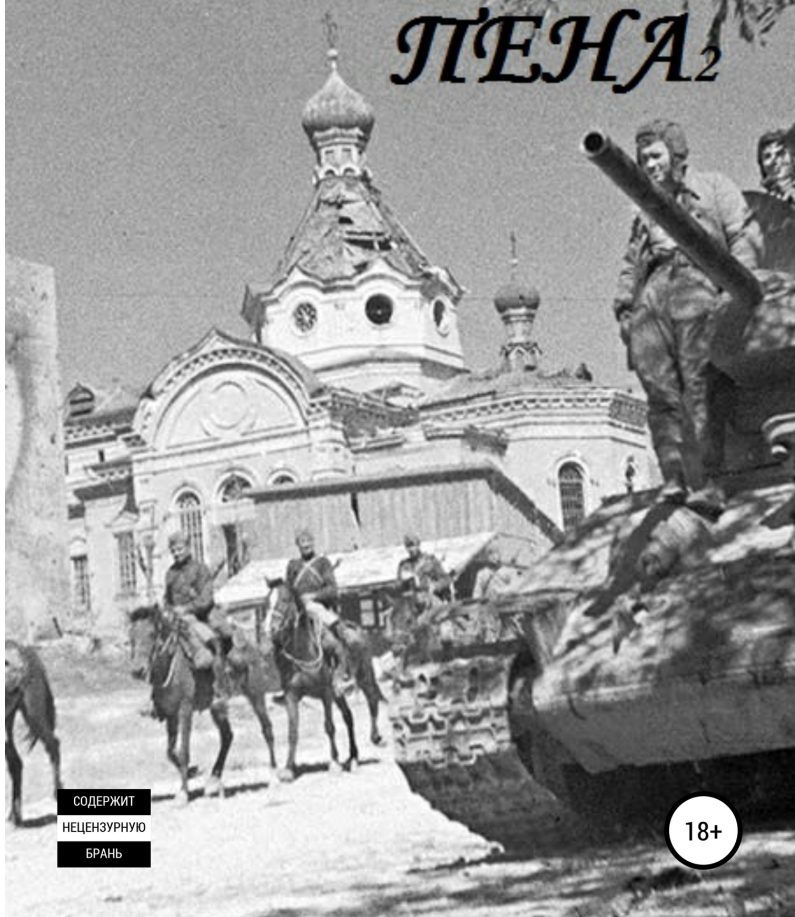

Николай Захаров

ПЕНА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Анна Ермолаева
Николай Захаров
Пена 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42925077

SelfPub; 2019

Аннотация

В повести описан период нескольких недель лета 1943-го года. Курская область – Огненная дуга. Повседневная жизнь и служба военнослужащих Рабоче-крестьянской Красной армии. Война – одним словом. Им посвящается эта книга. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Николай Захаров	4
ПЕНА 2	4
Глава 1	4
Глава 2	21
Глава 3	38
Глава 4	56
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Николай Захаров

ПЕНА 2

Глава 1

Группа диверсантов из семи человек, услышав завязавшуюся перестрелку, сразу поняла, что это раскрыта оставшаяся часть группы из пяти человек и без промедления поменяла место дислокации. лейтенант Крайнов даже выяснять не стал, так ли это или стрельба случайным образом началась именно в том месте, где должны были находиться подчиненные ему бойцы. Интуиция подсказывала, что нужно срочно уходить и как можно дальше.

– За мной, бегом марш, – скомандовал лейтенант, и за полчаса группа переместилась на пару километров восточнее. Здесь лейтенант очень удачно форсировал речушку вместе с группой и еще удачнее разместился в развалинах здания, в самом населенном пункте, обозначенном на картах как Щигры.

– Здесь и отсидимся до ночи, – принял решение лейтенант, осматривая окрестности из развалин. Когда-то они были, судя по всему, каменным строением, соседствующим с

такими же каменными. Война прошла по этим зданиям совершенно безжалостно, превратив в кучи обломков, разного размера и их пока еще власти местные не удосужились начать разбирать. Властям было пока не до расчистных и восстановительных работ. Война могла вернуться в любой день назад в этот населенный пункт и свести на нет все усилия властей. А раз уверенности нет, так к чему и усилия предпринимать? Так решила мудрая власть и группа диверсантов, слегка покопошившись среди обломков, обнаружила в них, вполне удобные для временного существования места. Рядовой Иванов /лейтенант Крайнов не понял который/ обнаружил вход в подвальное помещение и когда группа вползла в него, совершенно замаскировал вход куском дверного полотна, слегка обгорелого, но вполне пригодного для этой цели.

– Вряд ли кто-то жив остался. Стрельба очень интенсивная и гранатные разрывы я слышал. Конечно же, погибли, – первым высказал свое мнение о произошедшем лейтенант и личный состав возражать ему не стал. Каждый из диверсантов надеялся, что так оно и есть. Что вряд ли кто остался жив и сейчас дает показания в СМЕРШе.

– Задача наша остается неизменной. Если кто-то из бойцов взят в адекватном состоянии и даст показания врагу – это не повод для того чтобы изменить присяге, – продолжил мысль лейтенант и снова не услышав возражений, обратился к радисту группы:

– Рядовой Лауцкис, во сколько сеанс связи плановый?

– Через час, тофарищ лейтенант,– взглянул тот на светящийся циферблат своих часов.

– Подготовьте радиограмму. Живы, работаем. Все,– распорядился лейтенант Крайнов и, посветив фонарем, оглядел лица притихших подчиненных.– Остальным осмотреться здесь внимательно. Не шуметь, не разговаривать и не курить,– лейтенанту последний пункт особенно нравился тем, что сам он не курил, а всех курящих, считая людьми слабавольными, не упускал возможности от этой дурной привычки отучать.

Подвал, в котором притаилась группа, оказался не так уж и мал – метров сто квадратных. Группа, исследовав его, обнаружила даже несколько подвальных окон-бойниц, два из которых удалось расчистить осторожно от мусора и слегка осветить помещения. Этими же оконцами можно было при случае воспользоваться для отхода, так что личный состав слегка приободрился и залег в разных углах своего временного укрытия, используя подручные средства. Подвал, судя по содержимому, некогда использовался жильцами дома для целей самых незамысловатых, в основном как дровяной склад. Остатки былой роскоши и мирной жизни топорщились еще там и сям, наводя на мысль о том, что дом, до его разрушения, был вполне цивилизованным пристанищем и как минимум – с печным отоплением. Но особенно порадовал диверсантов, обнаруженный ими запас досок, сложен-

ных у одной из стен в аккуратную стопку. Приготовленные кем-то домовитым, они пролежали здесь возможно не один год и посерели от времени, однако вполне годились, чтобы выполнить роль лежанок. Первому пришла идея использовать доски рядовому Саркисянцу, который первым на них и наткнулся, заглянув в крайний отсек.

– Вах,– сообщил он всем остальным о находке и прихватив пару штук, попер их в угол облюбованный, чуть не зашибив торцами досок, сунувшегося следом отца-командира.

Успевший увернуться лейтенант, получил легкий толчок в плече и, не выдержав, выругался на родном языке: – Шайзе,– прошипел он, потирая ушибленное место.

– Товарыщ лэйтенант какой гут доска. Дубовый савсем,– похвалил себя Саркисянц.

– Сам ты дубовый – это осина,– тут же поправил его кто-то из Ивановых.– На гроб кто-то припас. Вон и длина в самый раз – два метра.

– Э-э, откуда знаешь? Ты плотник, э-э-э?– не поверил ему на слово Саркисянц.

– Чтобы осину от дуба отличать, плотником не нужно быть, дорогой,– присоединился к брату Иванов второй и пару досок гробовых тоже себе сдернул. Соорудив лежанку, братья тут же на нее и завалились, с разрешения командира группы, огласившего порядок несения службы в качестве наблюдателей. Ивановых в этом списке устном не значилось и они, зевнув в два голоса и перекуриив перед сном, с мол-

чаливого разрешения лейтенанта, так быстро уснули, почти не храпя, что оставшимся диверсантам, осталось только им завидовать.

– Э-э-э?– попытался возмутиться рядовой Саркисянц, оказавшийся в списке дневальных дважды, но лейтенант его опередил, шепнув на ухо:

– Сколько, вы на меня поставили, что живым не вернусь?– и горячий кавказский парень сразу сник, сообразив, что лучше промолчать.

– Идите и наблюдайте,– зловещим шепотом напутствовал его Кранке и весь оставшийся личный состав еще раз убедился, что вопросы на службе лучше не задавать. А рядовые Ивановы, высвистывали в четыре ноздри совершенно неуставные рулады, так будто спать завалились не в подвале захламленном, а на лежанке печной, у себя в родном доме.

– Тофариц лейтенант – это очень кромко тышат,– осмелился все же напомнить Кранке о маскировке рядовой Лауцкис, закончив шифровать радиограмму.

– Выполняйте свои обязанности и не суйте нос не в свое дело,– отчитал его тут же лейтенант, но помолчав минуту, все же посчитал нужным пояснить, почему он не будит Ивановых и не учиняет им нагоняй.– Сопят тихо. Там, транспорт рычит и можете не беспокоиться. А люди должны выспаться перед ночной акцией. Ночь предстоит трудная. Вами, рядовой Лауцкис, я не могу рисковать, здесь останетесь, а им будут нужны силы.

– Э-э-э?– напомнил о себе рядовой Саркисянц.

– Вас обязательно возьмем с собой,– обнадежил его лейтенант.– Без вас как? Кто будет часового нейтрализовать? Снимаете, освобождаете пленного летчика и сюда с ним. Крест вам гарантирую.

– Э-э-э-э,– Саркисянц явно был не в восторге перед открывающимися перспективами.

– Десять тысяч марок премию и очередное воинское звание гарантирую,– добавил стимулов лейтенант.

– Каждому?– прошелестел вопрос из угла, с лежанки Ивановых.

– Крест тому, кто летчика вызволит и звание, а марки всем обещаю,– уточнил лейтенант, поняв, что слегка увлекся, завравшись и, столько крестов сразу никто группе не даст.

– Держи карман шире, как же... Дождешься от вас,– донеслось до него из того же угла. Кто-то из Ивановых явно сомневался.

– Из своих собственных средств поощрю. У меня есть такая сумма,– заявил во всеуслышание лейтенант.– Можете зарезать меня, если не сдержу слово.

– Зарежем, не сомневайтесь, товарищ лейтенант,– пообещал кто-то из Ивановых, поднимая этой репликой всем настроение. Послышавшиеся хохотки с разных сторон, красноречиво об этом свидетельствовали, и лейтенант зашипел в полумрак:

– Отставить смех. Демаскируете присутствие.

Личный состав притих, услышав справедливое замечание, и только из угла Ивановых доносился невнятный шепот. Братья что-то активно обсуждали. Возможно, складывая сумму премиальную будущую с выигрышем в пари. Кранке напряг слух, пытаясь понять, о чем они шепчутся, но как назло к останкам здания подъехал, судя по стрекоту, мотоциклист и остановился, не глуша двигатель. Ивановы с радостью воспользовались этим обстоятельством, усилив громкость и до ушей лейтенанта донеслось пару слов – "фюрер" и "Берлин". Два этих, дорогих каждому истинному немцу слова, несколько успокоили лейтенанта. – "Мечтают унтерменши получить награду и поехать в отпуск, в столицу Рейха", – предположил он и ошибся с точностью до наоборот.

– Пусть Фюрер эти марки себе в зад засунет, – прошипел один из братьев.

– Если фрицы продолжают чесать на запад с такой же скоростью, то к зиме Берлин красные возьмут. Сваливать нужно из Бранденбурга этого, пока возможность есть, – отшипелся второй.

– Куда? Туда или туда? – прошипел первый, явно подразумеваемая стороны света.

– Туда – это куда? Там везде пока Рейх. Хрен проползешь. На восток – само-собой. Россия большая. И бардак везде. Отсидимся, легализуемся. Бумажки лепить научили фрицы, – зашипел в ответ второй.

– Тише ты, – одернул его первый. – Когда сваливать будем?

– Литюху-фельдфебеля мочим, деньги из него вытряхиваем и ходу. Забыл, о чем договаривались?– зашипел второй.– Ну, ты....

– Там денег этих...– прошипел первый.

– А как без них? Тыщ десять, всяко есть. Рыжья надолго не хватит и с ним не сунешься куда попало,– зашипел второй.

– Народу до хрена,– прошипел первый.– Всех мочим, вместе с Кранке?

– Пятерых? Сейчас? Ты что охренел? Ночью. Во время акции всех можно, по-тихому мочкануть. Спи,– поставил точку в разговоре второй.– Почуют еще, суки.

Расчет братьев Ивановых был прост. Кранке разделит группу на две части и одну пошлет освобождать из неволи летчика, а вторую на склад за взрывчаткой. Их /Ивановых/ он так же, наверняка, разделит, оставив одного при своей особе и, займется освобождением летчика лично. Третьим будет кавказец, как он и подтвердил уже, успокаивая его. Следовательно на каждого из них приходилось по два потенциальных противника. Зарезать двоих – это все же не то же самое, что вдвоем пятерых. Особенно если противник не ожидает нападения. Убрать сослуживцев всех, чтобы потом спать спокойно, плюнув на личное дело в архиве канцелярии дивизии Бранденбург-800. Ивановых в России столько, что сто лет можно жить под своей фамилией, главное – не соваться в те места, где их могут узнать обиженные ими со-

граждане. Волей-неволей, а обижать приходилось. Тех, кого приходилось ликвидировать, конечно, опасаться глупо, а вот те кого обидел походя – во время облав и заготовки фуража... Эти сразу вспомнят и про пинок пренебрежительный и про корову со двора уведенную. Они – выжившие, еще долго будут опасны, пока не вымрут естественным образом. Их глаза, там были повсюду. За каждой занавеской задернутой...

Братья сопели, с посвистом, притворяясь спящими и, оба думали об одном и том же – о свободе. От предательства.

В плен братья попали под Вязьмой еще в 41-м и, помучавшись полгода в лагере, приняли решение откликнуться на предложение Фюрера послужить Рейху в качестве добровольных помощников – Хильфшвиллиге – Хиви. Фюрер обещал, что оружие в руки им брать не придется, а использовать их станут исключительно в мирных целях – водителями, санитарями, конюхами.

Братья, у которых животы уже присыхали к позвоночникам, согласны были хоть свинарями, лишь бы не концлагерь.

– Отъедемся и сбежим в лес. В лесу не пропадем. Там места много. У фрицев армий не хватит все прочесать,– успокоили они друг друга и приняли присягу Фюреру. И их сразу стали кормить по армейским нормам Вермахта, поселив в нормальной казарме, с кроватями в два яруса. Выдали чистое обмундирование красноармейское и первый месяц особенно ничем не загружали – откармливали.

– Окрепнем, уйдем,– успокаивали друг друга братья, подшивая подворотнички на гимнастерки, в свободное после ужина время. Жизнь в казарме, по уставу Красной армии, была вполне привычна и не тяготила братьев, попавших в один взвод и одно отделение.

– Война, видать, затягивается и скоро засядут в окопы обе стороны. А потом и мир подпишут Сталин с Фюрером. Сталин за Урал переедет, а Европу Германии отдаст. На меньшее Фюрер не согласится,– рассуждал сосед по койке Ивановых, учитель истории – по профессии гражданской – Казakov Федор Эммануилович.– Позиционная война началась, ребятишки, а это значит, что никто победить не может. Война уже во где у всех. И у немцев, и у русских. Сталин и рад бы победить, но людей где взять? И промышленные районы все под немцем. Америка пока тушенку ему продает, вот и воюет на ихней же технике Красная армия. Германия в этом году реванш возьмет – само собой, но у нее сзади Англия висит. На два фронта воюют. Попробуй-ка. Вон уже все у них эрзац. И бензин уже синтетический, и табак, и кофе. Мир скоро наступит или перемирие подпишут Фюрер со Сталиным. Потерпите, ребятишки, не долго осталось и распустят всех по домам.

– Умный, да?– цеплялся к нему слегка придурочный, после контузии, рядовой с фамилией чудной – Лопата.– Дурак ты, Федька. Не так все будет. Наши победят. Под Москвой Фюреру накостыляли и драпала немчура. И еще накостыля-

ем.

– Вы, Илья Самуилович, не правы. Уроки истории учат, что все будет именно так, как я предвижу,– мягко возражал ему Казаков, привычку имеющий обращаться ко всем по имени отчеству, а во множественном числе заменив привычное "товарищ" на "ребятишки".

– Предви-и-ижу,– вскакивал на ноги Лопата Илья Самуилович.– Пророк тут выискался, ма-ма-мать твою,– последствия контузии особенно проявлялись, когда Илья Самуилович нервничал.– Продался за пайку фашистскую, га-а-ад. А еще учит-т-ель, в парт-т-тии состоял.

– А вы чей хлеб кушаете, уважаемый Илья Самуилович?– парировал осторожно Казаков.

– Ихний, гадский. Но это хитрость воен-н-ная. Чтобы силы в-вернуть и сбежать,– вопил на всю казарму Лопата, зная, что после ужина в роте офицеры отсутствуют, а стоящий на тумбочке дневальный вовремя предупредит об их появлении. Рядового же состава он уже давно не опасался, как и торчащего на пулеметной вышке немецкого пулеметчика, по-русски не понимающего.

Пулеметная вышка контролировала примыкающую к территории казармы, территорию концентрационного лагеря, заодно ненавязчиво присматривая за входной дверью казармы, после 22.00. Пулеметчик по-русски не понимал и стрелял после 22.00 без предупреждения во все, что шевелится на прилегающей к входной двери территории. В том числе и

по крыльцу. А вот что происходит внутри казармы ему было безразлично. За месяц, проведенный вместе, личный состав Хиви, успел узнать друг о друге почти все, тем более что командование не препятствовало дружеским посиделкам, наоборот, всячески поощряя таковые. В распоряжение роты были предоставлены музыкальные инструменты – балалайка и гармонь, на которых разрешалось играть в любое время дня и ночи, чтобы военнопленные из примыкающего к казарме лагеря не сомневались в том, что живется Хиви хорошо. По этой же причине, командование сквозь пальцы смотрело на то, что отбой в роте Хиви производился несвоевременно, как и положено в не совсем военном коллективе. Разрешалось перемещаться по территории казармы сколько угодно и даже не гасить свет. Подъем в роте, как таковой, тоже отсутствовал и начинался в 7.00 – побудкой. Дневальный, включал свет и сообщал коллективу:

– Пора вставать. Приготовится к приему пищи,– прием пищи /завтрак/ начинался в 9.00 и коллектив вполне успевал к нему приготовиться. Распорядок дня в роте Хиви был щадящим, разумеется по причине самой, что нинаесть гуманной. Командование понимало, что ослабленные организмы Хиви, следует беречь. А чтобы заключенные, соседствующего с казармой лагеря, видели и понимали эту заботу, на крыше казармы огромными буквами разместили соответствующее разъяснение.– ИХ КОРМИТ ФЮРЕР.– Ее мог прочесть любой, даже самый слабовидящий военнопленный. А вот

над пищеблоком концлагерным, разместили другую наглядную агитацию, в виде плаката на фанерном щите. Надпись, выполненная коряво и небрежно, гласила. – НАС КОРМИТ СТАЛИН.– Оять же, из самых благих побуждений – чтобы проклятья за скудный рацион, контингент сыпал не на голову Фюрера, а настоящему виновнику этого безобразия, отказавшегося признать бесспорный факт, что у него есть пленные. Заявившему на весь мир, что русские не сдаются и поэтому все кто сдался – просто предатели Родины. А предателей Родина, через Красный крест содержать не собирается. Начальник лагеря – гауптштурмфюрер Лемке – автор и идейный вдохновитель всех этих новшеств, с удовольствием перечитывал эти надписи и частенько повторял их уже совершенно без акцента.

– Так бегите, бегите уважаемый, Илья Самуилович. По моему мнению, вы уже совершенно окрепли для этого, – раскланивался церемонно Федор Эммануилович. – Можете прямо сейчас совершить сей подвиг.

– Я сбегу, при первой же возможности. Как только нас выпустят за периметр лагеря. Все здесь об этом мечтают, кроме тебя. Предатель, – Илья Самуилович почти выговорился и заикание у него прошло, вместе с волнением.

– Я пока никого не предал. Как и все здесь присутствующие. А ведь мог бы, уважаемый, Илья Самуилович. Вы ведь еврей по национальности? – напоминал Лопате Козаков о всем известном факте.

– Только наполовину. Папа еврей, а мама у меня чистокровная русская женщина. Деревенская, посконно-сермяжная баба, к твоему сведению. А вот ты, Федька, на сто процентов еврей. Так что чья бы корова тут мычала. Он еще никого не предал. Гад ты, Федька.

На этой фразе обычно конфликт заканчивался, всего с несколькими вариациями, в которых Казаков напоминал Лопате, что он состоял совсем недавно комсгруппоргом батальона, а тот в ответ, что он парторгом того же батальона. Все эти разговоры так успели всем приесться, что когда в очередной раз Лопата, обозвал Казакова предателем, а тот в ответ промолчал, то никто особенно и не почесался, занимаясь каждый своим делом. Рядовой Иванов /один из братьев/ растянул тальянку и, как обычно, сыграл плясовую. Остальные расползлись по своим лежбищам.

Образцово-показательная рота Хиви, маялась от безделья, так как кроме строевой подготовки и политинформаций бесконечных ничем не занималась в течение дня.

– С тоски сдохнуть можно,– жаловались хиви друг другу, мечтая разбежаться. И когда, по истечении месяца, их построили перед крыльцом казармы и перед ротой появился комендант, то она затаила дыхание, поняв, что время карантинное закончилось.

– Хватит кушать хлеб даром,– сообщил им Лемке через переводчика. И роту, погрузив на три грузовика, отправили на железнодорожную станцию. Там пересадили в вагоны и

только тогда объявили, что едет рота в Европу.

– Повезло вам, ребяташки, цивилизацию увидите,— прокомментировал Казаков и ему, как обычно, возразил Лопата.

– Ага, на экскурсии по музеям водить нас везут.

– Пессимист, вы Илья Самуилович,— как всегда мягко возразил ему бывший парторг.

– Сам дур-рак,— завелся, как обычно заикаясь, бывший комсгруппорг.

– Хватит лаяться, надоели,— осадил их в самом начале один из Ивановых.— Сваливать пора, пока по СССР-у едем,— озвучил он предложение на всю теплушку.

– На окнах решетки, двери заперты. Как валить?— понял его с полуслова Лопата.

– Ломаем пол и сваливаем,— определил направление второй Иванов, и весь личный состав принялся изучать половое покрытие на предмет изъянов. Однако усилия оказались напрасны. Доски держались намертво, и взламываться не желали, а подручных средств, для этой цели, под рукой не оказалось. В результате пришлось ехать до конечной остановки – в Европу и там вливаться в дивизию Бранденбург-800.

Жизнь в дивизии отличалась от жизни в лагере, карантине и теплушке, тем, что скучать не приходилось. Фюрер, приняв присягу от бывших военнопленных, оказал им высокое доверие и переименовав из Хильфшвиллиги в Фрайвиллиге, т. е в полноценных добровольцев, принялся натаскивать через инструкторов. А через пару месяцев рота уже Фрайви,

получила первое крещение в боях с партизанами.

Сбежать братьям Ивановым так и не удалось в лес, по причине банальной. Именно в лес их и швырнуло командование в составе роты, батальона, полка и дивизии. И как-то так само-собой получалось, что бежать всегда было несподручно в этот лес. Тем более, что он уже был занят весь, куда ни сунься. Бежать в партизанские отряды, мелкие и плохо вооруженные, за которыми гоняется их дивизия, было в лучшем случае не совсем разумно.

– Поживем, увидим,– приняли мудрое решение братья, после того, как перед строем расстреляли того самого комсгруппорга с забавной фамилией и за сущий «пустяк». Лопату всего лишь кто-то все же сдал. И командование узнав, что в роте Фрайви служит почти еврей, ошибку эту немедленно исправило. А уж когда расстреляли перед строем и Казакова, за тот же самый «пустяк», братья поняли, что немцы настроились на серьезный лад и шутить не намерены.

– Казаков-то прав оказался, хоть и еврей. Война затяжная получилась у Гитлера со Сталиным. Кто выживет, тот и молодец,– решили Ивановы, осваивая диверсионную науку побеждать. И вот дождались, кажется, подходящее время и место.

– Рядовые Ивановы, ко мне,– услышали братья голос отца-командира и молча переглянувшись, встали с лежанки.

– Бока не болят?– задал вопрос им Кранке, коротко мазнув по лицам лучом фонаря и выключая его из экономиче-

ских соображений.

– Нормально, товарищ лейтенант. Чего звали?– ответил за обоих один из братьев и Кранке, доверительно приобняв их за плечи, прошипел им в подставленные уши:

– На вас рассчитываю особо, поэтому пойдете оба со мной за летчиком. Вот ты или ты снимешь часового, а ты его извлечешь из палатки.

– А этот как же?– мотнул головой один из братьев, в сторону Саркисянца.

– Пес с ним, пусть идет в тройке за боеприпасами. Ненадежный он для такого ответственного задания. Понимаете?– доверительным шепотом поделился с ними лейтенант.

– Понимаем, а как же ж,– замотали головами братья, подумав,– "Вот же гад. И как теперь быть?" А через минуту уже опять шептались в своем углу, корректируя планы на ночь:

– Может и к лучшему так-то. Мочканем литера по-быстрому и назад в подвал. Здесь мочим прибалта и ждем остальных. Ну, и мочим тоже,– живенько накидал план мероприятий один из братьев и второй не стал ему возражать, молча хлопнув по плечу в знак одобрения. Братья научились понимать друг друга с полуслова.

А через два часа две группы по три человека, в наступивших потемках, выползли из подвала и отправились на выполнение акций.

Глава 2

– Война войной, а ужин по расписанию,— напомнил Ленка взводному Суворову о его обязанностях и тот, покосившись на него, скомандовал:

– Командир отделения, Васильев, стройте взвод и ведите на ужин.

"А чего его строить? Он уже у котла скучковался. Идем уху дежурную рубать или аппетит на пироги побережем?"— молча ответил Васильев, даже не шевельнувшись.

– Зажрался?— изумился старшина.

– Не зажрался, а отъелся первый раз за последние два года. Имею право, как инициатор,— огрызнулся сержант.

– Слова иноземные произносит!— ахнул старшина приторно.— Где взял? Чего означает?

– С кем поведешься... Означает, что парень я геройский. Что губа не дура,— пояснил сержант значение слова.

– И какую, такую инициативу ты героически предложил командованию? Напомни?— попросил старшина.

– С рыбной ловлей,— напомнил сержант.

– А разве не Михайлыча предложение было?— с сомнением в голосе, попробовал отнять лавры героические у сержанта Васильева старшина Суворов.

– Михайлыч только намекнул на узкую полосу действия, в масштабе ведра, а инициатива снабжения рыбой кухни це-

ликом – моя, – напомнил сержант факт имевший место.

– А разве не моя? – тут же попытался присвоить лавры героические старшина.

– У вас как с совестью, гауптфельдфебель? – взглянул на него возмущенно сержант.

– Без оскорблений никак? – старшина Суворов поплевал на ладони и, сжав кулак, поднес его к носу сержанта. – Как дам в глаз.

– Да ты скандалист, ваше благородие, – перехватил его руку сержант, пытаясь ее вывернуть и уронить тем самым авторитет командира взвода лицом в траву, на которой они сидя перекуривали. Не успел, к сожалению, старшина оказался ловчее и сунул в траву, после непродолжительной схватки, лицом его. Руку при этом заломил за спину так, что сержант закрипел зубами и вынужден был сдаться:

– Отпусти, хрен с тобой, уговорил, – прохрипел он при этом.

– В смысле чего? – переспросил его старшина.

– Что ты инициатор и главный фуражир рыбный. А я так, на подхвате, рядом, – отказался от героических лавров сержант.

– А-а-а. Больно надо. Обойдусь, – отпустил его руку старшина.

– Ручонка у тебя, смотрю, зажила совсем, – подметил сержант, отряхиваясь.

– Намекаешь, что мне тоже нет смысла ехать в тыл? – по-

нял его старшина правильно.— Спасибо Сафроновне, ее молитвами.

— Ни на что я не намекаю. Жаль, что распределят нас с тобой, Саня, в разные рода войск. Меня в танковые, тебя в пехоту и хрен мы с тобой до конца войны увидимся, если доживем.

— Доживем. Куда мы, Леха, денемся? Для нас с тобой боеприпасов не предусмотрено у Гитлера. Авторитетно тебе заявляю,— чуть не проговорился старшина, вовремя прикусив язык.

— Точно?— усомнился сержант.— Откуда информация?

— Верь мне, паря. Я от Прасковьи Сафроновны слегка этим чутьем предсказательским заразился. Чую.

— Интересно чем?— сержант Васильев взглянул на старшину Суворова с такой иронией, что тот чуть опять не проговорился, вспомнив предсказание Прасковьи Сафроновны. Вспомнил и промолчал. А сержант, не услышав ответа, взглянул на него понимающе и, встав, сменил тему разговора:

— Пошли, командир, девчатам у чмошников чего-нибудь вытрясем. Цветочков еще бы букетик нарвать не мешало. День рождение все же.

— А ведь верно. Слушай, я тут в одном палисаднике такие заросли из цветов видел. Закачаешься. Пошли, пока кто-нибудь не опередил и не собрал.

— Кто? Кому они нахрен кроме нас нужны?

– Не скажи. Думаешь, там только мы с тобой будем приглашенными? Наверняка набежит желающих не меньше взвода. Хрен протолкаешься к имениннице и пирогам этим, – старшина, обнял друга за плечи. – Наивный ты еще, Леха, как пацан пятилетний. Не знаешь, какие коварные создания эти девушки. Их хлебом не корми, а только дай возможность посмотреть, как парни из-за них друг другу рыла сворачивают. Готовься к будущим битвам, Леха.

– Настена не такая, – не поверил Ленька, сбрасывая его руку со своего плеча.

– Спорить не стану, может она и особенная какая-то, но все же будь готов. Тем более, что физическая подготовка у тебя никакая. И кулаками махать явно не обучен. На уровне уличных драк подготовлен.

– Мне достаточно. А ты, можно подумать, не на уровне уличных драк? – Ленька обиженно засопел.

– Я кой-чего нахватался здесь уже – в действующей. В разведвзводе нашем двое боксеров было, один самбист, трое по вольной борьбе мастера, а старлей вообще хрен знает чего только не знал. Ну, и натаскали в свободное от службы время. Делать-то нехрен было. Так что не на уровне уличных драк, а чуток повыше.

– Свистишь, пади, – не поверил Ленька.

– А нападай, – предложил тут же Санька. – Можешь даже в челюсть врезать, разрешаю. Глазенки-то вон как засветились, значит, обиделся за то, что лицом в траву ткнул. Давай,

давай, не стесняйся.

– Я, если попаду, то мало не покажется. И напрасно ты меня за неумеху держишь. Кой-чего тоже умею. У нас в учебке рукопашник был тоже не хилак и кой-чему научил,– предупредил Ленька.

– Да бей уже. Не пугай. Что за манера?– подбодрил его Санька и парни запрыгали, сжав кулаки.

– На,– выбрал удачный момент Ленька и не попал. А когда опять ткнулся лицом в траву, то подумал,– "Ловко. Научи".

– Прямо сейчас приступим?– протянул ему руку старшина, помогая встать.

– Сначала за цветами, потом на пироги, а с завтрашнего дня я с тебя не слезу, пока мордой в землю не ткну. Я настырный, Сань,– хлопнул по подставленной ладони сержант.

– Нашему бы теляти, да волка съесть. Пошли, пока рота ужинает, успеем смотаться за букетами.

Именинницу парни встретили у входа в санитарную палатку и, вручив ей два огромных букета, вогнали в краску.

– Ой, это все мне?– растерялась она, принимая два огромных веника, собранных за полчаса в заброшенном палисаднике.

– А что, у кого-то еще сегодня день рождения в вашем дружном коллективе?– взглянул на нее вопросительно старшина.

– Нет, только у меня,– призналась Настя.

– Значит, все вам,– заверил старшина.– Остальным, в сле-

дующий раз нарвем.

– Ой, как много. И даже розы есть,– зарылась лицом в букеты Настя.

– А как же. Мы старались. Нюхай на здоровье,– вставил свои три копейки сержант.– А где пироги обещанные?

– Будут обязательно, присаживайтесь, мальчики,– Настя упорхнула в палатку, а старшина с сержантом присели рядом с ней на две обычные табуретки, невесть откуда здесь взявшиеся, закуривая.

– Стол накрывают девчонки,– предположил старшина.– Слышишь, шушукаются. Может и по сто грамм фронтowych нам сегодня перепадет, а сержант?

– А где взвод женихов, обещанный? Которым, мне рыла сворачивать ты предсказывал?– предъявил ему претензии тот.

– У-у-у. Злопамятный ты оказывается. Ну, нет – пока. Может, ужинают? Подойдут чуть попозже и свернут,– обнадежил его старшина.

– Трепач,– пригвоздил его сержант.

– Я?

– Ты.

– А тебе вынь да полож непременно, чтобы взвод теперь сюда приперся соискателей руки и сердца Настены? Размечтался.

– Эй, мечтатель с трепачем, милости просим в наш шалаш,– раздался голос девичий из палатки и старшина с сер-

жантом, переглянувшись сконфуженно, загасили сигарки.

Штабная палатка жила в ночи слишком активной жизнью, хлопая поминутно входной, брезентовой завесой и, лейтенант Крайнов нервничал, шепотом матерясь по-русски.

– Рано пришли, товарищ лейтенант,– шепнул ему на ухо один из Ивановых, прицеливаясь к его шее и нащупывая рукоять ножа.

– Они еще долго не утомонятся. Нужно было после полуночи, как и намечалось. А лучше под утро, после первых петухов.

– Заткнись. Тебя спросить забыл, когда лучше. Потом куда? Если под утро? Сидеть весь день в подвале? Нам время нужно на то, чтобы уйти как можно дальше,– прошипел ему в ответ, злым шепотом, лейтенант. – За мной марш,– скомандовал он, уходя буквально из-под лезвия ножа и растворяясь в ночном мраке, где-то шурша впереди.

– Че, телишься?– ткнул брата в бок довольно чувствительно второй Иванов. – Давай я,– и уполз вслед за фельдфебелем, сжимая в правом кулаке нож, а левой придерживая за антапку ремня автомат ППШ.

– Давай,– отшипелся ему в спину оплошавший брат и погреб следом. Человек – не курица и резать людей ему пока не приходилось. Стрелять сколько угодно, а резать... почти не приходилось. Вот и опорфунился слегка.

А потом все пошло наперекосяк... Первой не повезло группе «снабженцев», выползли прямо на засаду и вынужде-

ны были принять бой с превосходящими силами противника, пытаясь скрыться в обратном направлении. Стрельба начавшаяся и беготня, с криками матершинными, застала братьев Ивановых и лейтенанта-фельдфебеля врасплох, но рядом с палаткой им нужной и лейтенант решил действовать, так сказать, под шумок. Спонтанно. Сам лично снял ротозея-часового, который едва не наступил ему на голову. Пришлось нейтрализовать и затем лично же вскрывать арестантскую палатку ножом.

– Вир камен, ум Зие аус дер Кнештшафт цу бефрайен, – сообщил он приятное известие арестанту, сунув голову в прорезанную дырень.

– Вер бишт ду? – раздался в ответ голос летчика, не верившего своему счастью.

– Вир – дие Деутшен, вир коммен фюр Зие, – представился Кранке, радуя соотечественника и вовремя высовывая голову из палатки, так как на него напали с двух сторон сразу двое русских.

Один из них, попытался перерезать фельдфебелю глотку ножом, но Кранке сумел уклониться, присесть и в перекасте вспороть ему брюшину своим. Второго ему пришлось застрелить, так как первый схватил его за руку и, ее удалось выдернуть из мертвой этой хватки, но без ножа. Второй русский, оказался не таким расторопным, как первый, еще и потому, что Кранке прикрываясь телом первого, как щитом, был ему недоступен. А когда ему в живот, в упор фельдфе-

бель всадил три пули подряд, то завалился, успев выкрикнуть на прощанье пару русских матюгов.

– Шнель, шнель, Зие мюссен цу геен,— почти в полный голос рявкнул снова в черноту палаточную Кранке, призывая поспешить пилота и из прорези высунулась голова Отто Киттеля.

– Вер бишт ду?— опять спросил он, хриплым спросонья голосом и Кранке рявкнул прямо в его бледный лик.

– Вердамт нохмал! Лауфенде Марш,— хватая буквально за шкуру Отто и вышвыривая его наружу.— Фордвертс,— Кранке тут же и догнал, поскакавшего козлом пилота, успев прихватить трофейный ППШ и сунув свой пистолет в руку пилота.

– Не отставать!— скомандовал он, подхватывая Отто под локоть и увлекая за собой. А вокруг шел настоящий бой и пули свистели мимо ушей бегущих диверсанта и летчика Люфтваффе, заставляя их падать и снова вставать. Группа Саркисянца так же пыталась уйти в развалины, огрызаясь автоматным огнем и забрасывая русских гранатами, но их обложили плотно и гранат тоже для них не пожалели. Так что когда Кранке и Киттель вползали в подвал, стрельба уже прекратилась.

– Что?— встретил их вопросом Лауцкис и услышав в ответ незамысловатую русскую брань, понял, что группа уменьшилась до трех человек, поменяв пятерых своих на одного летчика.

– Отто Киттель, – представился ему обер-лейтенант и Лауцкис просипел в ответ:

– Очен приятна познакомиса Лауцкис Миколас – ратист.

– Уходим немедленно. Собирайтесь, – сообщил ему Кранке и два диверсанта с летчиком, собрав наиболее необходимое, ушли из подвала. Фельдфебель рассчитывал, за оставшиеся ночные часы, уйти как можно дальше на запад.

Брошенное ими лежбище обнаружили на следующий день бойцы СМЕРШ, возглавляемые лейтенантом Федоровым. При прочесывании местности. Швырнули в подвал /для порядка/ пару гранат, предложив сдаться и не получив ответ, а потом обнаружили в нем брошенную рацию и кое-какое имущество. Доставив оное в качестве вещественных улик все в тот же штаб.

Лейтенант Федоров изучил их и на основании полученных свидетельских показаний, доложил по инстанции о ликвидации группы диверсантов. Напавших ночью на Комендатуру и сумевших выкрасть пленного летчика.

– Опознаны, как диверсанты – восемь трупов, взятыми ранее в плен членами диверсионной группы. Наши потери – двенадцать человек убито, двадцать четыре получили ранения разной степени тяжести. Среди героически павших – капитан Скворцов М И, список прилагаю, – докладывал лейтенант. Капитан погиб совершенно глупо, осколком гранатным ему пробило висок, когда он командовал бойцами, взявшими диверсантов в клещи. Скворцов успел крикнуть:

– Вперед!– а в следующую секунду поймал виском осколок. Ночной бой, на пристанционной площади, разбудил и поднял на ноги личный состав сводной "инвалидной" роты и старшина Суворов с сержантом Васильевым, посчитав невозможным отсиживаться, имея на руках оружие, отправились на помощь смершевцам. Приняли посильное участие в беготне вокруг штаба и от души с ними за компанию помастерясь, вернулись в роту на рассвете, сообщив личному составу хорошую новость:

– Отбой, перебили фашистов.

– Совсем обнаглели фрицы, ни на фронте, ни в тылу от них покоя нету,– ворчали раненые.

– Отто сбежал,– сообщил старшина Суворов сержанту Васильеву новость, услышанную им от знакомого из комендантского взвода.– И капитана убили. Не пережил ночь, как и предсказала Прасковья Сафроновна.

– Точно?– сержант Васильев, прилегший уже на расстеленную шинель, сел и повернулся к другу всем корпусом.

– Точнее не бывает. Сам видел. В смысле – тело капитанское,– ответил ему старшина, устраиваясь поудобнее.

– Да уж,– сержант лег и, поправив под головой сидор, спросил мысленно друга:

– "А как ты думаешь, Сань, Сафроновна знает когда война эта закончится?"

– "Думаю, что знает, Ленъ",– ответил ему старшина.

– "Давай спросим?"– предложил сержант.

– "Давай",– согласился старшина сонным голосом.– "Спроси ты. Я стесняюсь",– попросил он, уже засыпая.

– "Ну, ты..."– начал сержант и поняв, что его некому слушать, подумал для себя.– "Ладно, спи, Александр Васильевич, потом поговорим",– а затем, зевнув и завернувшись в шинель, сразу и сам провалился в сон. Снилось Леньке, что сидит он на берегу речушки, обняв за плечи медсестричку Настю и, будто бы она не в гимнастерке, а в платице гражданском и голову ему на плече уронила. Ленька чувствовал ее теплое дыхание рядом со своим ухом и боялся пошевелиться.

Солнце утреннее светило ему в лицо, заставляя жмуриться и, щелкал совсем где-то рядом, в двух шагах, курский соловей, высвистывая такие трели, что дух захватывало. С речушки напал туман утренний, и трава блестела миллионами солнечных искорок, переливающихся всеми цветами радуги. Ленька смотрел, прищурившись на все это великолепие и, понимал, что вот оно – СЧАСТЬЕ и лучше ЭТОГО НИЧЕГО БЫТЬ НЕ МОЖЕТ.

– Счастье,– прошептал он, укутывая плечи Насти своей шинелью и прижимая ее к себе, а она что-то шепнула ему в ухо, сладкое, неразборчивое, сокровенное и только ему предназначенное. И Леньке захотелось вскочить и, схватив девушку на руки, закружить ее и улететь в голубое небо.

Он чувствовал, что это возможно. Что все возможно, если очень хочешь. Грохот, раздавшийся над их головами, обру-

шился внезапно, и Ленька испуганно сжался, заозиравшись. Все переменялось мгновенно вокруг. Исчезли Настя, речка, Солнце и голубое небо над головой. Мрак окружил его со всех сторон, освещаемый багровыми вспышками. Грохот нарастал и, сливаясь в рев, затопил этим багряным светом все вокруг. И Ленька обмер в предчувствии чего-то страшного и неотвратимого. Он вертел головой, пытаясь понять, где это он и куда следует бежать из этого рева. Попытался даже вскочить на ноги, но тело отказалось слушаться, будто вросло в почву. А рев вдруг прекратившись, сменился на шипение, монотонное и звучащее зловеще прямо перед ним. Ленька присмотрелся и увидел, что сидит по-прежнему на берегу речном, на траве... и воду увидел блестящую и покрытую рябью. Вода плескалась и, набегая на берег, с шипением оставляла на его кромке пену серовато-багряную. Набегала и, увеличив количество, отползала, чтобы снова набегать, плеснуться и добавить количество. А пена, увеличиваясь, пузырилась и медленно ползла вверх по берегу, к ногам Леньки. Наползала на траву, покрывая ее и растворяя, ползла дальше. "Как электролит все равно", – сравнил Ленька и, принявшись, почувствовал вонь. Пахло тухлым яйцом и гнильем. А пена наползала, медленно, но неотвратимо приближаясь к его ступням, босым и беззащитным. "Доползет и будет больно", – подумал Ленька, впадая в панику и пытаясь отдернуть ноги. А пена наливалась багрянцем и гудронной чернотой, заворачивая и плюясь черными брызгами уже в

метре от них.

"Что это?!" – заорал Ленька и услышал голос, спокойный и ласковый.

– Это пена, внучек.

– Зачем? За что? – спросил Ленька, пытаясь вспомнить, где он уже слышал этот голос.

– Для твоего вразумления, – ответил голос.

– Это же кислота. Какое вразумление? Я не успею ничего понять. Я умру, – заорал опять Ленька, отдергивая ступни от коснувшейся их пены.

– Это твоя пена, – ответил голос.

– Моя? Зачем она мне? – не понял Ленька.

– Не нужна? – спросил голос.

– Нет, – ответил Ленька и вспомнил, кому принадлежит голос. – Прасковья Сафроновна, помогите, – взмолился он.

– Узнал, внучек? – голос прозвучал с искренней радостью.

– Узнал. Почему я здесь? Почему чернота? Почему пена эта ядовитая? – Ленька опять отдернул ступни и, прижав колени к подбородку, попытался отодвинуться безуспешно, назад

– Здесь все ТВОЕ и в Воле твоей, – ответила Сафроновна. – "Отче наш" выучил? – спросила она, сделав паузу.

– Выучил, – обрадовался Ленька и затарахтел танковым движком. – Отче наш, иже еси на небеси. Да святится имя Твое, да придет Царствие Твое...

– Не части, – перебила его Сафроновна и Ленька продол-

жил чтение молитвы, более спокойным голосом. -... Но избави нас от Лукавага. Аминь,— закончил он, уже совершенно успокоившись и перекрестившись, понял, что имела в виду Сафроновна, когда сказала, что ПЕНА эта – ЕГО.

– Моя? Вот такая ядовитая? Не-е-ет. Такая, мне не нужна. Не хочу такую. Моя Пена – чистая и белоснежная. Моя не сжигает, моя моет. Мыльная у меня Пена и безвредная,— заявил он и, плюнув в сторону гудронных пузырей, перекрестил их решительно, будто зачеркивая неудачный рисунок. Зачеркнутая пена замерла и посерела, отступив назад и, Ленька произнес, воодушевляясь:

– Моя? Моя прозрачная, не опасная,— и пена, выбелившись, отползла еще на метр и еще, оставляя после себя траву зеленую в искорках росы. Ленька вскочил на ноги и заорал радостно, вскидывая руки к небу.— Моя речка, мое небо, мое Солнце. Все мое – без черноты и зла,— и пена пропала, лишь речное медленное течение плескалось водой у его ног и истекало парным туманом, отражая в себе бездонное небо, в котором плыли барашки облаков. Ленька повернулся к реке спиной и увидел сидящую на берегу Настю с венком на голове и плетушую еще один.— Это мне?— спросил он, бросившись к ней и падая перед девушкой на колени.

– Тебе,— кивнула она и, ткнув довольно чувствительно в бок кулаком, озорно улыбнулась.— Вставай, Леха.

– А венок?— подставил голову Ленька.

– Рано тебе еще венок похоронный,— услышал он в ответ

голос Саньки и кто-то, схватив его за плечё, принялся трясти довольно бесцеремонно.

– Хватит дрыхнуть,– услышал он и, открыв глаза, увидел улыбающееся лицо старшины Суворова.

– Ну и здоров же ты припухать, сержант Васильев.

– Опять ты?– зевнул Ленька и разочарованно огляделся по сторонам.

– Я. А кого ты ожидал увидеть?– выгнул удивленно бровь старшина.– Вставай, капитан построение объявил.

– Ему-то чего не спится?– не понял Ленька.

– Служба, брат ты мой во Христе, ну, и все такое прочее,– объяснил старшина.– Время-то десять уже, чего ему дрыхнуть?

– Как десять?

– Обыкновенно. Пять часов ты уже харя тут давишь. Венки с кем-то плетешь. С Настеной, пади?– угадал с первого раза старшина.

– Не твое дело, с кем. Мой сон и не лезь в него своими лапами,– отмахнулся от него Ленька, искренне обрадовав.

– Угадал? Извини – это не я. Это Прасковья Сафроновна виновата. С кем поведешься, брат... Так что все претензии к бабушке Прасковье,– довольно заулыбался Санька.

– Зубоскал,– проворчал Ленька и ушел к ближайшему колодцу.

Капитан построил роту и сообщил "инвалидам", что во второй половине дня они убывают в Касторово, а оттуда

дальше в тыл.

– Сидим и ждем отправки. Автотранспорт обещан. Командирам взводов проверить личный состав по спискам и доложить. Обязанности сложите в Касторово. Вопросы есть? Нет. Разойдись,— закончил он.

– Я остаюсь,— заявил старшине Суворову сержант Васильев, отчитавшись по списку.— Ты как хочешь, а я в Комендатуру. За каким хреном мне в тыл тащиться? Пусть здесь освидетельствуют и в маршевую роту выписывают. Вон сколько мимо прет народу.

– А я?— старшина высвободил руку из петли марлевой и попробовал ее пару раз согнуть в локте. Слушалась она пока еще плохо и он скривился недовольно.— Не выпишут. Не пройду медкомиссию. Придется ехать в тыл.

– Едь,— кивнул Ленька.— На хрена ты тут с одной рукой? Полечись еще месячишко, другой.

– Ты, значит, здоров, а я еще пару месяцев полечись,— нахмурился недовольно Суворов.

– Сам же говоришь, что медкомиссию не пройдешь. Причем тут я? Я-то пройду. Или ты мне предлагаешь веником прикинуться? Так не прокатит.

– Что, значит, не прокатит? Какая медкомиссия? Ты же ее сам только что придумал. Ну, ты... Слов нет,— рассердился старшина.— И вообще, что ты рвешься, как пацан малолетний на фронт? Правильно тебе Сафроновна сказала. Успеешь.

– Ничего она такого не говорила. Давай-ка сходим к ней – попрощаемся. Может что присоветует, – предложил Ленька. – Пока время есть. Я ее сегодня во сне видел. Вернее слышал, – признался он.

– Ты что, ей веноч-то плел? – взглянул на друга старшина с укоризной.

– Нет. Ничего я никому не плел. Это мне плели. Угадал ты, угадал. Настена плела. Пошли, чего рот разинул?

– Пошли. Эх, Леха. Скрытный ты оказывается. А я думал, что ты – душа нараспашку, – попенял старшина другу.

– На сколько надо, на столько и распахиваю, соразмерно, – отшутился сержант.

Глава 3

– Пришли распрощаться? – поняла Прасковья Сафронова, по лицам парней, появившихся на ее огорожке.

– И трубу прочистить, – напомнил Ленька.

– Хорошо, коли так, – согласилась хозяйка и принялась руководить процессом. Через час, когда печь в баньке задышала как надо, она поставила на огонь чайник и присев на лавочку, спросила:

– Убег немчик-то?

– Диверсанты освободили, а капитан погиб, верно вы увидели, – не стал делать тайны старшина из произошедших ночью событий.

– Зря сбежал. Войну теперь не переживет,– с сожалением покачала головой старушка.– А ведь молоденький еще. Жить, да жить.

– Его воля была,– возразил ей Ленька.

– Его, да не его. Выбор-то какой? Никакого. Вроде подневольного получился, как та белка в колесе – пищи, да беги.

– Так и все так-то. Вроде белки этой. Выбирать-то особенно не из чего. Вы говорите – Воля человеку дается Богом свободная и где тут она? Что-то не вижу. Кого ни возьми – все подневольны. Объясните, как понять?– старшина взглянул на хозяйку требовательно.– Вот вы и сами говорите, что Отто этому воля-то "его, да не его". А потом, что все от Бога и что волос даже не упадет с головы человека без Его Воли. Что-то у меня в голове от этих противоречивых заявлений полная каша,– развел он руками обескуражено.

– Я, в простоте своей так понимаю, Саня, что Бог по Воле своей Большой, дает людям своей волей маленькой распоряжаться и поругаем Он не бывает, потому как, что сеет человек, то и жнет. И изменить ему что-то бывает ой как не просто, коль уже семя брошено и проросло. Выпалывать или бросать посеянное? Бог учит, как правильно сеять, а человек по своеволию своему не так норовит. И что Богу делать? Терпит своеволие и в Любви к недотепе, поправляет обстоятельствами. А он опять своеволит. Вот так все и живем. Простое и правильное не хотим исполнять, свое городим. А потом вопрошаем – Где воля и свобода выбора? А она везде и

всюду, только человек этого не видит. Думает, что все своим умом живет. Выбирает не

правильно, а потом удивляется, что не то выросло и про то, как выбирал, не вспоминает, а все сетует на Бога. Будто Он за него семена швырял мимо пашни.

– Вы говорите, что Бог учит, как правильно сеять без принуждения, а человек тупой и не понимает. Чеж такими тупицами нас создал? Поумнее не мог?– нахмурился Ленька.

– Умны люди достаточно, чтобы понимать. И та простота Воли Божьей, которая им предложена, семи пядей не требует. Не ума людям мало дал Господь, а напротив – всего от щедрот своих с избытком предоставил. Вот люди и искушаются Гордыней, забыв от кого получено столь щедро,– ответила Прасковья Сафроновна.

– А напоминать ежели почаще, чтобы помнили?– задал вопрос старшина.

– Так вон, оглянись по сторонам и во всем напоминание увидишь, о щедротах. Картофелину бросаешь одну в землю и десяток потом вынимаешь. Всякое дыхание Бога славит. Присмотритесь.

– Я не вижу, как это славит каждое дыхание,– признался Ленька.– Слепой, наверное.

– Слеповат, конечно. Пока гром не грянет, не перекрестишься. Но ты, Ленчик, не кручинься. В этой веренице слепцов – ты не один и не поводырь, Слава Богу.

– Почему слепые мы? Почему не слышим, как славит ды-

хание Бога?— Ленька смутно угадывал что-то и пытался понять.

— Дак, а почему люди натурально слепыми бывают рождены? У родителей что-то неладно уже было и детки получились по грехам их. От семени дурного — дурное. Разве удивительно? Так и душа бывает слепой от рождения. Эту слепоту не видно. А она есть. Болезнь это, Ленчик. И лечится, как любая хворь. И слепые прозревали у Господа, по писанию. Все в руках Его. И нынче хворь эта повсеместна. Потому и излечение вот такое, через страдания. Пьем лекарство горькое. Войны, болезни, страсти все эти — лекарство. Души бессмертные, через смертное тело умудряются и исцеляются. Коль сеять не приучены родителями добродетельными — добро, то и сеют по попущению злое. Пыхтят и друг с дружки шкуры дерут. Лечат друг друга, страдания причиняя,— скорбно покачала головой Прасковья.— А детишки рождаются чистыми и светлыми у них,— вздохнула она.— В последние времена станет по предсказанию Иоанна Богослова вода непригодна для питья. Горькой станет и вредной. И только по милости Божьей это пока не наступает. Оживляет воду каждый год. А коль не стал бы Он этого делать, то давно уж наступили бы для людей эти времена. По милости, ради не многих, терпит совсем пропащих. И век им не укорачивает. И их жалеет. Бог — есть Любовь. Вроде материнской, когда без корысти совсем. И не нужно Господу от людей ничего, кроме ответной Любви. Изливает свою на нас бессчетно, а в

ответ радуется круплицам. Все ждет сердец открытых, чтобы пожалеть и милость на них свою излить. А люди, в слепоте, сердцами каменеют и стучит Господь в их двери, запертые наглухо. Вот истинная глухота и слепота. Счастлив тот, кто услышит и даже посеявший не там и не то – прозревает, коль такое случается. И до каждого Господь, через глас совести, имеет власть достучаться. А другой Он и не хочет власти над людьми.

– Совесть?– старшина недоуменно взглянул на сержанта, а потом на Прасковью Сафроновну.

– А ты думал, что за голос у тебя внутри, тебя укоряет? Думал, что просто думаешь сам? Ан нет. Почему же договориться не получается? Украдешь ли, или как иначе согрешишь и тут же укор услышишь. А с чего бы тебе себя укорять, коль украл и не пойман? Ведь прибыль легкую получаешь? Так и в мыслях себя должен расхваливать. Вот, мол, какой удалец. Однако все не так. Украл человек, скажем, и концы спрятал хитро, так что и властью и людьми не уличен, а внутри укор. Вот это и есть Совесть. Глас Божий, обличающий. Куда от него спрячешься? Как от самого себя – никуда. Мучает она, грызет. Ведь и в петлю люди лезли от гласа сего по глупости. Видела я за долгий свой век и такое. И кто человека в петлю сует, коль никто про воровство его не ведал? Совесть? Нет. Сам он туда лезет, чтобы от мук этих избавиться. Но совесть не к смерти понуждает, а к раскаянию. Покается вор перед Богом и людьми и совести того и

довольно бывает. Видит каждого Человека Бог через нее и каждого, увещевая, ведет. А вот когда человек не слышит этот голос, то глух истинно. Только совсем глухих-то и не бывает. Я на своем веку не встречала. Поэтому еще Господь времена последние откладывает. Что слышим, хоть и не понимаем что это.

– А как же свобода воли тут, когда голос этот укоряет?– спросил сержант.

– Свобода – не соглашаться, спорить. Твоя воля – жить по совести или нет. Рук-то не вяжет и не грызет с утра до вечера. Потому как даже вор, не все время ворует, а что-то и полезное делает. Не для других, так хоть для себя.

– А вот я беспризорничал – бывало. Сбегу с пацанами из детдома и че только не вытворяли. Как-то ларек, помню, обокрали и стащили из него ящик мыла хозяйственного. Там на ночь ничего не оставляли больше. Спёрли, значит, и утром одному мужику все сбагрили чёхом. Дал он нам за это два кило колбасы краковской, хлеба две буханки и десять пачек папирос,– вспомнил детство сержант.– Набили мы животы, закурили, и никакая совесть не грызла. Что-то не припомню.

– По глупости вашей, пожалел вас Господь и попрекать не стал. С пониманием к сиротам отнесся. И такое бывает. Только лукавишь ты, Ленчик, аль запамятовал. Всяко, было и увещевание, только за бурчанием желудка, менее слышимое. Ты вот теперь вспоминаешь про мыло то и, что тебя распирает? Неужто гордишься, что спёр?

– А чем тут гордиться? Чужое ведь? И когда в детдом вернулись, то молчали все, наказания боялись. И потом, когда встречались, уже взрослыми, то вспоминать все стеснялись,– признался Ленька.

– Вот ежели бы вы ящик денег бы сперли... Тогда-то вспомнили бы с гордостью,– улыбнулась лукаво Прасковья Сафроновна.

– С ящиком бы нас сразу поймали. Дураки ведь малолетние были все и начали бы ими швыряться. Колонией такой бы подвиг закончился,– прикинул Ленька.

– Повезло, выходит вам, что не в тот ларь влезли?

– Выходит, что повезло,– согласился с Прасковьей Сафроновной сержант.

– Счастливчик ты по жизни, Лень,– похлопал по спине друга старшина.– Просто не осознаешь это по глупости, слепоте и глухоте своей. Слепой, глухой по миру шляешься и все напасти мимо тебя пролетают.

– Тогда и ты счастливчик. У тебя тоже мимо,– не стал спорить с ним сержант.

– Все мы так-то счастливчики тогда,– сделала заключение Прасковья Сафроновна.– Посреди сетей бродим.

– Во, во, как по минному полю без миноискателя,– поддакнул ей старшина.

– Это что еще за напасть такая?– спросила Прасковья Сафроновна, заинтересовавшись.

– Это такие бомбы, в землю зарывают. И они взрываются,

когда на них наступаешь. И для людей выдуманы и для техники есть уже. Противотанковые и противопехотные. Лежит себе и ждет, пока кто-то не наступит или не наедет. На вес рассчитана. А миноискатель – это такой инструмент для обнаружения мин под землей. Специальные войска для этого созданы – саперные. Свои зарывают, чужие обезвреживают, – пояснил старшина.

– Ужасы какие рассказываешь, – вздохнула Прасковья Сафроновна, выслушав его внимательно. – Давайте-ка чай пить. Ленчик, неси чайник. Все знаешь где. Не стесняйся, –

чаепитие затянулось и когда через час старшина, кинув взгляд на циферблат, сообщил, что пора и честь знать, Прасковья Сафроновна, взглянула на него понимающе и сказала:

– Завтра приходите.

– Нас сегодня грозятся отправить. Или вы видите другое? – спросил ее старшина.

– Нонче не отправят. Вы еще здесь седмицу проживете – в Щиграх. Что-то задержит. Остальные уедут. Завтра и расскажете, что за помеха, – огорошила парней хозяйка.

– Что за оказия? – взглянул на нее просительно Ленька и повторил вопрос мысленно.

– Откель мне знать? – рассердилась старушка. – Не искушай, злыдень, – цыкнула она на Леньку и тот взглянул на друга виновато, ища поддержки.

– И на Саню не поглядывай. Ему тоже ничего не поведаю. Ишь они... Привязались. Что, да когда им Расскажи. Война

еще Бог весть сколько протянется, а им непременно обоим знать надо, что еще почитай на два года она дадена за грехи.

– Два года?– Ленька потряс головой.– Точно?

– Откель мне знать?– совсем рассердилась Прасковья Сафроновна.

– Откель не знаю, но я вам верю,– попробовал подлизаться старшина.

– А я вот сейчас метлу возьму и объясню откель,– встала со скамьи хозяйка.

– Не надо метлу, Прасковья Сафроновна. Вот крест даю, что больше ни-ни,– вскочил со скамьи и старшина.– Пошли, Лень,– дернул он за рукав гимнастерки сержанта.– До свидания, Прасковья Сафроновна.

– Ну, и кто здесь скоморох?– рассмеялась она в ответ.– Кота Ваську, если увидите, напомните шалопутному чтобы домой шел,– попросила она, поворачиваясь и унося в избенку чайник и посуду.

– Обязательно,– пообещал ей старшина самым серьезным голосом, на какой был способен, а когда Васька действительно попался им навстречу и не один а с кошкой, такой же масти, то покискискав и погладив обоих по головам, опять же, самым серьезнейшим образом, передал им пожелание хозяйки.

– Вась, велено передать, чтобы домой шлепал с подружкой.

– Мяу?– взглянул на него Васька вопросительно.

– Соскучилась Прасковья Сафроновна, наверное,– пожал плечами старшина.

– Мя,– явно с пониманием отнесся к его заявлению кот.

– Так выполняй тогда команду. Чего расселся?– сделал ему замечание старшина.

– Мяв,– рывкнул в ответ Васька и увел подругу на родной огород.

– Это он "Есть" сказал на кошачьем,– перевел Ленька.

– Осталось сшить Ваське пилотку и козырять научить,– рассмеялся Санька.

В роте их ожидал сюрприз – вызов обоих в СМЕРШ к его новому начальнику – лейтенанту Федорову, заменившему капитана Скворцова, геройски павшего в ночном бою.

– Где шляемся, товарищи командиры?– поприветствовал их временно исполняющий обязанности командира роты капитан.-

– Со старушкой одной попрощались, товарищ капитан,– честно признался старшина.

– Видать, хороша старушка, коль вдвоем ее обихаживаете,– сделал вывод капитан.– А вас тут лейтенант Федоров уже пятый раз спрашивает. Ефрейтор штабной мне всю плешь проел. Шагом марш в Комендатуру оба.

– Есть,– ответили старшина с сержантом и через пять минут уже докладывали о своем прибытии.

– Старшина Суворов и сержант Васильев?– лейтенант обошел вокруг вытянувшихся по стойке смирно парней и

спросил, указав на руку старшины:

– Как рана, товарищ старшина?

– Заживает, товарищ лейтенант,– ответил тот, продемонстрировав шевеление пальцами.– Вполне сносно себя чувствую.

– Хорошо, значит, себя чувствуете?– лейтенант подергал старшину за пряжку, запустив за нее ладонь и убедившись, что ремень болтается в меру, произнес с некоторым сомнением в голосе: – Тут чего вышло у нас. Немец, которого вы выявили, сбежал. Его утром нужно было в дивизию сопроводить и теперь начальство требует. Но оно всегда требует, на то и начальство и вы тут ни при чем...– лейтенант сделал многозначительную паузу.– Только такое дело, мужики... Получилось, что кроме вас этого Отто в лицо никто не знает. Капитан его видел, да вот ефрейтор на допросах присутствовал и все, как оказалось. Бойцы, конечно, видели, когда выводили в сортир. Шестеро видело, но все вышли из строя и содействовать в опознании возможности лишены. Так что вынужден вас привлечь на службу в СМЕРШ. Служба у нас веселая, рискованная. А парни вы, я вижу, шустрые, вам понравится. Опять же довольствие у нас денежное и прочее. Как лейтенанты будете получать. Уходить не захотите потом. А мы посмотрим на вас. Вот вы, сержант, танкист и как вам в танковых?

– Нормально мне, товарищ лейтенант, как всем,– сержант Васильев, скосил глаза на старшину Суворова и подумал.

мал.-"Зашибись в танке, особенно зимой".

– Нормально? А вам, товарищ старшина, в пехоте тоже нормально?

– Я в разведвзводе и у нас тоже весело, почти как у вас,– ответил старшина, подумав,– "Быть тебе, Леха, Ваней – чует мое сердце".

– Документы,– протянул руку лейтенант, посчитав что достаточно поуговаривал добровольцев.– За вещами бегом марш. С сегодняшнего дня временно встаете на довольствие в комендантском взводе. Доложите там, кому следует и одна нога здесь, другая там. Пулей. Пять минут времени – время пошло.

Капитан ротный, возражать естественно не стал, чиркнув у себя в тетрадке пометки напротив фамилий, убывающих в распоряжение СМЕРША старшины и сержанта, изъяв у них временно выданное оружие и заставив расписаться в ведомости.

– Желаю успехов в ратном труде, парни,– неожиданно произнес он на прощанье.– Удачи вам, разгильдяи.

– И вам до Берлина дойти,– пожелал ему от всей души старшина, пожимая протянутую руку.

– Дойдем. Может, там и встретимся еще. Как знать,– подмигнул парням свойски капитан.– Я, если что, то где-нибудь рядом с Рейхсканцелярией обязательно покручусь и своих поищу. Приходите. За победу выпьем на крылечке. Там широкое такое.

– Обязательно выпьем, товарищ капитан. Место на крыльечке займите, ежели что. Народу там набежит желающего видимо-невидимо, так что только на вас и рассчитываем,— пошутил сержант.

– Привык я к вам, разгильдяям,— признался капитан, улыбаясь.— На войне быстро привыкаешь. Ну, давайте. Ни пуха вам, ни пера.

– К черту,— ответили парни и едва уложились в пять отведенных им лейтенантом минут.

– Вас только ждем,— выскочил он им навстречу из палатки, как черт из табакерки.— За мной марш. По пути все разжую,— скомандовал он и побежал к дребезжащей капотом полуторке.

А уже в кузове быстро "разжевал" предстоящую боевую задачу.

– Всего немцев трое с летчиком. Умотали наверняка в южном направлении или в западном. К линии фронта. Днем им идти нельзя, значит, отсиживаться станут и двигаться исключительно ночью. У них фора была часов пять, так что верст на 20-ть, 25-ть могли умотать. Поэтому выявлять их следует вот в этом радиусе,— лейтенант прочертил ногтем дугу на полевой карте.— Населенные пункты они само собой обойдут, а днем укроются в складках местности. Вот вроде той балочки. Вроде, но не в этой. Эту тыловики заняли. Там их как муравьев в муравьиной куче. Об этом немцы знают и обойдут ее слева, потому как она удачно загибается к юго-запа-

ду. И обойти ее удобнее здесь. А справа им нужно дважды форсировать речку. И далеко не уйдешь, и риск нарваться на караулы и секреты. Я бы шел вот так на их месте. Вернее бежал бы всю ночь. А чего не бегать? Лесостепь, до фронта верст сто по прямой. Глубоко-эшелонированным он тут считается, но это в западном направлении, а в южном положе будет. Верст 50-т можно смело трусцой прорысить, по ночной свежести. А уж потом на четвереньках еще пятьдесят. Наша задача – прочесать все подозрительные места, удобные для лежбищ. 25-ть верст мы на раз прочешем. Брать приказано живыми. Особенно командование командиром группы заинтересовалось. лейтенант Крайнов – по нашим документам. По ихним – фельдфебель Кранке.

– Переводится фамилия – Большой,– старшина Суворов вырос в собственных глазах, вспомнив еще одно немецкое слово.

– Язык знаешь?– порадовался за него и себя лейтенант Федоров.– А у нас на прошлой неделе

переводчица в интересном положении убыла и теперь хоть плачь. Обещали прислать, но когда еще найдут подходящего... А тут ты.

– Я не особенно чтобы знаю,– на всякий случай предупредил лейтенанта старшина.– В школе чуток, потом в институте год. И здесь слегка.

– "Чуток, слегка", скромность украшает. Всяко больше, чем я понимаешь, о чем они там курлыкают.

– С пятого на десятое. Практики разговорной мало и память плохая, – пожаловался на обстоятельства, мешавшие в совершенстве изучить язык врага, старшина.

– А нам и не нужно каждое слово. А диверсанты и по-русски сами умеют. Если что, то переведут со всем усердием. А ты проследишь, чтобы мозги не пудрили, – лейтенант убрал карту в планшет и оглядев внимательно старшину с сержантом, осведомился:

– Оружия нет личного, кроме вот этого живопыра?

– Сдали, товарищ лейтенант. Получено было на роту сводную. Ротный изъяс.

– Без оружия хреново воевать. По паре гранат я вам выдам, а автоматы только по возвращению получите. Стало быть, вперед не лезьте. Обойдемся без вас. Вы мне живыми нужны, как диверсанты, – ухмыльнулся Федоров.

– Все слышали, товарищи красноармейцы? – рявкнул он в полный голос и личный состав, сидящий на скамьях, дружно откликнулся в едином порыве:

– Так точно.

– Вперед не лезть, сзади не отставать, в середине не мешаться, – закончил инструктаж лейтенант и постучав по фанерной крыше кабины, тормознул полуторку.

– К машине, – скомандовал он. – С этого овражка и начнем, –

остатки комендантского взвода, посыпались из кузова и, расторопно разбежавшись, цепью направились к первой

"складке местности", теоретически способной скрыть в своих глубинах роту диверсантов. Внимательно осмотрев овраг и, не обнаружив в нем никого, взвод, так же расторопно, загрузился и полуторка попылила к следующей "складке" отмеченной лейтенантом на километровке.

Направление преследования диверсантов лейтенант Федоров определил правильно – фельдфебель Кранке проложил маршрут практически один в один, как он и предположил. Не учел Федоров только одно обстоятельство – Отто, который с удовольствием готов был летать на любые расстояния, а бегать любил не очень. Упал он через первые три километра и взмолился:

– Кранке, шайсен мир, – умереть прямо сейчас, ему показалось лучше, чем бежать, спотыкаясь и падая, через каждые два шага.

– Гут, Шритт марш, – вынужден был согласиться снизить темп передвижения фельдфебель. И в дальнейшем стоило ему его ускорить, как тут же за его спиной раздавалось:

– Тофариц лейтенант, опять герр Киттель патает.

– Кранке, шайсен... – тут же неслось следом и фельдфебель, бормоча себе под нос:

– Шайзе. Майн Гот, – переходил на шаг. А Лауцкис поднял Киттеля и волок его, себя и общую с ним поклажу следующие сто метров, пока летчик отдышал. И, тем не менее, даже при таких низких темпах передвижения, до рассвета группе удалось получить фору километров десять.

– Лесостепь – есть гут. Здесь есть, где спрятать себя, – высказал оптимистическое заявление Кранке, осматривая внимательно местность, которая отчетливо проступала вокруг них в предрассветных сумерках. – Овраги, отдельные кусты и прочие места нам не подходят. Роем окоп. Лауцкис, лопату, плащ-палатку, роем укрытие, – в течение часа диверсанты обустроили себе уютный окопчик в метр глубиной и, когда Солнце выплеснулось из-за горизонта, оно не смогло их обнаружить в этом квадрате, как ни старалось влезть своими лучами под натянутую плащ-палатку. Припорошенная сверху пучками травы, аккуратно распределенными по всей поверхности рядовым Лауцкисом и натянутая до барабанной упругости им же, она могла быть обнаружена визуально, только если на нее наступить ногами.

– Гут, Микалас, – впервые назвал подчиненного по имени Кранке, и тот браво блеснув глазами, гаркнул: – Хайль Гитлер!

– Крест обещаю, если дойдем, – потрепал его по плечу фельдфебель. – А теперь спим. Цу шлафен, – улыбнулся он летчику и тот в ответ так всхрапнул, что фельдфебель поморщился, поняв, что обер-лейтенант команды не дождался и способен шагов с пятидесяти демаскировать их убежище. Поэтому посвистел ему на ухо, нежно. Результат не замедлил сказаться. Киттель в ответ всхрапнул жеребцом в стойле, увидевшим крысу и, Слава Богу, что не заржал еще при этом на всю степь.

– Ната его повернуть утопнее,– посоветовал Лауцкис, очевидно, имеющий опыт борьбы с храпунами.– Или заткнуть рот чем нипуть,– выдал он еще один метод, менее щадящий самолюбие храпуна, но более действенный.

– Поверни,– выбрал Кранке первый способ и Лауцкис перекантовал Киттеля на бок, прижав его при этом лицом к стенке земляной так плотно, что, пожалуй, и второй метод применил тоже. Оба метода в совокупности сработали незамедлительно, храпеть легчик прекратил и, целую минуту в окопчике длилась блаженная тишина, наполненная стрекотом кузнечиков и пением жаворонка. А через минуту запас кислорода в легких Киттеля закончился и ему приснился ужасный сон. Снился обер-лейтенанту страшный капитан Скворцов, опять допрашивающий его и сующий в нос его же рыцарский крест.

– Почему он не есть ржавый?– спрашивал капитан.– Отвечай, мать твою?– капитан схватил обер-лейтенанта за горло и принялся душить.– Цу антвортен?– верещал он при этом с совершенно берлинским диалектом. Отто рванулся изо всех сил, выворачиваясь из его рук и заверещал еще громче:

– Нихт кеннт. Абфраген вай Круппа,– искренне полагая, что владелец концерна сталелитейного лучше всех в мире знает, почему железо, выпущенное там и применяемое для изготовления ордена, не подвержено коррозии. Отто так взвыл и так рванулся из лап экзекутора, что сам себя разбудил при этом и вытаращился на повисшего на нем Лауцкиса.

– Тихо, тихо, герр Киттель,– принялся тот уговаривать его, ласково шипя и норовя опять развернуть лицом к земляной стене.

– Вельх фурхтбарен Шлаф их заг,– поделился с ним своим горем Киттель и принялся рассказывать содержание сна. На это ушло всего минут десять и благодарные слушатели сопереживали ему так искренне, что еще минут двадцать Отто делился с ними своими переживаниями и впечатлениями, полученными в русском плену. Сумрак окопно-пещерный располагал к этому и Отто даже пару раз всхлипнул, вспоминая свои мучения в застенках СМЕРШ. Вспоминал и всхлипывал он в диапазоне шепота по просьбе фельдфебеля, сочувственно ему кивающего: – Я, я, я,– с периодичностью в одну минуту.

– Доннер Веттер,– выругался Отто и не услышав очередное "Я", замер, приоткрыв рот. Его спутники сопели в сонном ритме и он понял, что сумел усыпить их своей болтовней. Обижаться Киттель не стал, пристроился поудобнее и прежде чем уснуть, почему-то вспомнил палатку, в которой его содержали под арестом русские и матрас ватный, на деревянных нарах, с чистыми простынями. Свобода, в комфортности, Неволе пока проигрывала.

Глава 4

Проснулся обер-лейтенант, опять увидев кошмарный сон.

Снилось бедолаге, что его ведут на расстрел. Капитан Скворцов во сне пинал его коленом под зад и бормотал прямо в ухо при этом:

– Не храпи мать тфою так.

– Я, я, яволь,– соглашался с ним Отто, но капитан не унимался и снова отвечивал пинок под зад коленом: – Мать тфою.

Отто рванулся изо всех сил и проснулся весь мокрый от пота. Русское Солнце, не обнаружив для своих лучей щелей, отомстило спрятавшимся немцам, нагрев через ткань воздух до температуры парилки в русской же бане. Все трое лежали на дне окопчика мокрые, как мыши

и дышать им было уже нечем. Кислород просачивался сквозь ткань медленнее, чем скапливался под ней углекислый газ.

– Душегупка,– дал определение их убежищу Лауцкис.

– Я-а-а,– согласился с ним обер-лейтенант, не поняв, что он сказал, но поняв, что ничего хорошего в виду не имел.

– Задохнемся, нужно проветрить окоп,– решил Кранке на демаскирующие действия.– Приподнимите угол, Лацкис.

– Есть,– обрадовался радист команде и с удовольствием выполнил бы ее, если бы ему не помешали. В следующее мгновение в уши диверсантов ворвался рев автомобильного двигателя, а на головы обрушилось переднее колесо. При этом оно буквально размазало успевшего приподняться радиста и вмяло его в стенку окопа, так что не то что храпеть,

но и дышать он не мог. Колесо лишило его этой способности навсегда, вместе с жизнью вышибив из тела.

Однако, приняв на свою грудь удар, радист спас жизни двум офицерам Третьего Рейха и за это, достоин был быть награжден, увы, посмертно, как минимум Железным крестом.

Прижатый нижней частью тела Лауцкиса, слегка еще агонизирующей, к Отто Киттелю, Фриц Кранке, с запозданием фатальным сообразил, какую несусветную глупость он совершил, не учев национальный менталитет врага и спрятавшись от него в чистом поле. Следовало врыться в склон оврага и пересидеть день там. Это немецкий водитель грузовика будет передвигаться исключительно по дороге, даже полевой, с едва просматривающимися колеями и не свернет с нее, даже если его будут при этом бомбить. Орднунг – порядок прежде всего. Это впитано им с молоком матери. Русский Ваня, с тем же молоком, впитывает прямо противоположные ценности и прежде всего наплевательское отношение к каким либо правилам и законам. Анархия – вот что в крови этого народа, впитанная с молоком, – "Зачем трястись по дороге, разбитой танковыми траками, когда степь, да степь кругом?" – думает Ваня и мчится в нужном ему направлении, как ему Бог на душу положит.

– Какая сволочь вырыла здесь окоп?– услышал Фриц голос и зажал ладонью рот Отто.

– Тихо,– прошипел он.– Может не заметит,– глупая на-

дежда, на то, что русский едет один и не сможет без посторонней помощи вытащить автомобиль из окопчика, согревала сердце фельдфебеля. Но когда он услышал еще пару голосов и понял, что сейчас солдатики русские совместными усилиями и с помощью ихней матери общей, приподнимут передок и обнаружат их здесь притаившихся, то решил сменить тактику на противоположную.

– Притворяемся, что мы русские. Я лейтенант – вы рядовой. Следуем в Щигры. Вы молчите – говорю я. Вы контужены. Понятно?

– М-м-му, – обрадовался Отто знакомой роли, уже однажды успешно им сыгранной.

– Помогите, – не стал откладывать премьеру Кранке, взыв так громогласно, что собравшиеся у ямы русские, слышали его вопли сразу и, повторно верещать не пришлось.

– Придавили никак кого-то. Давай, хлопцы, на раз, два. Раз, два! – скомандовал голос и колесо приподнявшись, переместилось на метр левее окопа.

– Мать моя женщина. Одного раздавили, двое живы. Вылазь, хлопчики, и документики приготовьте, – скомандовал тот же голос и Отто с Фрицем поползли на свет Божий.

– Кто такие? От кого сховались? Дезертиры? – задал им вопрос русский офицер с одной маленькой звездочкой на погонах.

– Никак нет, товарищ младший лейтенант. Вот наши до-

кументы. Мы выполняем особый приказ – осуществляем скрытное наблюдение за этим квадратом. В дивизионное управления СМЕРШ, поступили сведения, что в этом квадрате работает немецкая радиостанция. Наша задача – выявить ее и обезвредить, – наплел Кранке на голубом глазу.

– Вы тут шпионов ловите? – сообразил младший лейтенант.

– Благодаря вам, уже нет, – скривился Кранке. – Теперь мы похоронная команда и нам нужно срочно доставить убитого вами рядового Лауцкиса в ближайший населенный пункт. Вы какого хрена разъезжаете вне дорог? Будьте любезны, товарищ младший лейтенант, сообщите мне вашу фамилию. Я хочу знать, кого мне следует указать в рапорте, как виновника преждевременной кончины рядового, в результате дорожно-транспортного происшествия.

– Обыкновенная фамилия, – помрачнел младший лейтенант, которому связываться со СМЕРШем не улыбалось. – Иванов, – все же представился он.

– Иванов? – оскалился кровожадно Кранке. – А это не тот ли самый, на которого к нам вчера рапорт от политрука поступил? Что разгильдяй и анекдоты про товарища Сталина сочиняет?

– Как-кой рапорт? – позеленел младший лейтенант, любивший почесать языком.

– Вам сообщат своевременно, – многозначительно взглянул на него Кранке. – Куда следуете?

– В Щигры, товарищ лейтенант. Загружайтесь, подвезем. В кузове полно места, – младший лейтенант, махнул рукой подчиненным и они бережно извлекли тело «геройски» погибшего рядового Лауцкиса и на его же плащ-палатке, подняли в кузов. В кузове Студебеккера действительно места было полно. Грузовик направлялся под погрузку и кроме водителя с младшим лейтенантом, вез двух грузчиков и всего десятерых попутчиков.

– Садитесь в кабину, товарищ лейтенант, – предложил Кранке, снова ставшим Крайновым, младший лейтенант, но Фриц от предложения отказался и полез в кузов, вслед за мычащим Отто.

Студебеккер скрежетнул коробкой скоростей и набирая скорость, помчал своих пассажиров в сторону железнодорожной станции. Трех из них в обратном направлении. И только одному из этой тройки было уже совершенно все равно, куда они едут. А через десять минут они уже въезжали в этот населенный пункт, от которого бежали, падая от усталости, всю прошлую ночь.

Выгрузившись на привокзальной площади, рядом с палаткой комендантской, лейтенант Крайнов сухо распрощался с младшим лейтенантом, сделав вид, что записал номер машины в свой блокнот, демонстративно достав его из планшета и когда студебеккер рванул дальше, к станции под погрузку, начал действовать оперативно. Схватив за ноги Лауцкиса, скомандовал Отто:

– Прячем тело,– спрятали тоже оперативно – отнесли к входу комендатуры временной и накрыв все той же плащ-палаткой, оставили под присмотром караульного.

– Смотри внимательно, чтобы не унесли,– предупредил часового лейтенант Крайнов.– Очень важный покойник. Улика – он. Лично коменданту приказано доставить. Пони-маешь?

– Так точно,– вытянулся часовой и до смены не спускал глаз с трупа, сняв винтовку с плеча и взяв ее на изготовку. А через час доложил разводящему сержанту:

– Приказано присматривать, чтобы не сперли.

– Кому он на хрен нужен?– вытаращился на него сержант.

– Сказали, что улика, будто бы, для коменданта,– доложил сменившийся часовой.

– Хорошо, я доложу,– принял решение сержант. И доложил немедленно. Получил за доклад разнос от начальника караула и на другой день – благодарность в приказе за бдительность от коменданта. Так что не востребованным труп Лауцкиса пролежал недолго – до вечера.

А вечером его опознал, проходящий мимо под конвоем Мыкола Вырвихвист.

– Цеж наш хлопец,– обрадовался он возможности отличиться.– Вин мене сто рейхсмарок задолжав.

– Вот гад,– посочувствовал ему конвоир.– Ничего, скоро ты с ним встретишься и вытрясешь свои марки.

– Где встречусь?– не понял грубого солдатского юмора

Мыкола.

– В Аду. Шагай, че встал?– подтолкнул его в спину конвоир.

Избавившись от тела, диверсант и летчик направились подыскивать временное пристанище на светлое время суток и очень удачно укрылись с этой целью в одном из сгоревших домишек. Между печью и полу сгоревшей бревенчатой стеной, расчистив вполне приличный закуток.

– Кушать совсем нечего,– посетовал лейтенант Крайнов.

– Нужно где-то заpastись. Нам еще долго идти,– напомнил ему Отто о предстоящих скитаниях в тылу противника.

– Придется мне идти в качестве фуражира. Вас многие знают в лицо,– принял решение лейтенант Крайнов и оставив лишнее имущество, отправился на поиски провианта.– У меня денег советских десять тысяч рублей есть. Не пропадем, обер-лейтенант,– зарядил он оптимизмом на прощанье Отто.

Покрутившись возле вокзала, лейтенант выяснил, что продукты можно приобрести на барахолке, которая появилась стихийно рядом с местным храмом, чудом уцелевшим от бомбежек. Свято-Троицкий собор, так торжественно он назывался когда-то и лишенный крестов, после революции использовался Советской властью в качестве Дома Культуры. Немцы, оккупировавшие поселок в 1941-м, отнесли к бывшему культовому зданию и вовсе пренебрежительно, разместив в нем конюшню. Оскверненный людьми и време-

нем, храм стоял, продуваемый всеми ветрами, через лишенные стекол оконные проемы и взирал ими же на мирскую суету, в ожидании лучших времен. А у его обшарпанных стен, суетился людской муравейник, называемый в народе романтично – Барахолка. Люди возвращались к мирной жизни, к родным очагам и они, еще не отрыдавшиеся и не отплакавшиеся, тянулись друг к другу, как былинки на студеном ветру и прятались у стен храма, неосознанно к нему притянутые. Все той же надеждой на лучшие времена.

Лейтенант Крайнов, прошелся между толпящимися абorigенами, жидко разбавленными людьми в форме, прицениваясь к продуктам и лысина у него вспотела от цен, под пилоткой, мгновенно.

– Ох, ни хрена себе,– поделился он впечатлением с подвернувшимся под руку старлеем.

– Котлы у тебя ничего. Трофейные?– приценился тот ментально к его собственности.

– Не продаю,– отказался от негоции, внезапно возникшей, лейтенант.

– Я хорошую цену дам,– привязался старлей.– Десять тысяч хошь?

– Нет. Не хочу. Самому нравятся,– отказался Крайнов.

– Я свои в придачу добавлю. Во, гляди,– принялся совать ему в лицо, пошарпанный эксплуатацией точмех, старлей.

– На хрена мне твои часы? У меня есть свои,– попытался урезонить его лейтенант-фельдфебель, но старлею его часы

так приглянулись, что он, похоже, готов был на что угодно, чтобы их заполучить.

– Ты за продуктами пришел? Сухими пайками хошь?– сделал заманчивое предложение старлей.

– Сколько дашь?– заинтересовался предложением фельдфебель.

– Двадцать стандартных пайка,– начал торг старлей.

– Твои часы и литр водки в придачу,– окинул его взглядом лейтенант и, делая вывод, что, судя по мордатости, столкнулся опять с тыловиком.

– С водкой напряг. Могу добавить сухпая,– скуксился старлей, и лейтенант понял – не врет – напряг.

– Хрен с тобой,– согласился он.– Еще пять пайков и забирай.

В результате negotiations в распоряжении лейтенанта Крайнова оказалось двадцать пять сухпайков, которые ему пообещал вечером подогнуть старлей в обмен на часы.

– Куда доставить?– осведомился он, поглядывая на часы фельдфебельские уже, как на свою собственность, временно находящуюся в чужом распоряжении.

Вопрос застал лейтенанта-фельдфебеля врасплох и он задумался, решая эту проблему.

Не в развалины же к печной трубе заказывать доставку, в самом деле. Старлей хоть и тыловик, судя по роже, может и сообразить, что к чему. А сообразив, вспомнить, что Родина не прощает, когда ею торгуют. В результате мозгового

штурма лейтенанта победил фельдфебель и доставку потребовал осуществить к палатке санитарной, которую приметил в пристанционном скверике.

– Через часок, как штык буду, – заверил его старлей и слово свое сдержал, появившись через два часа.

– Извини, начальство задержало, то, се... – объяснил он опоздание, сбрасывая с оглядкой сухие пайки, в серых картонных коробках, с подводы. – Пока лошадь, пока то, пока се... Давай часы.

– С чем хоть консервы? – запоздало поинтересовался лейтенант-фельдфебель, расстегивая ремешок на часах.

– А хрен их знает, – пожал плечами старлей. – Без этикеток же. Откроешь – узнаешь. Сюрприз будет.

– Часы свои давай, – потребовал Крайнов, вспомнив вовремя, что часы у них с Отто одни на двоих.

– Владей. Отстают малеха, а так ничего еще, – протянул ему свои трепанные жизнью часы, на таком же протертом до дыр, кожаном, самодельном ремне, старлей.

Как потом выяснилось, часы отставали всего на час в сутки и Фриц к ним так и не смог приноровиться. А получив их, он с брезгливым выражением застегнул ремешок на кисти левой руки и за пару минут договорился с местным фельдшером на предмет охраны продуктов. Всего за одну упаковку, тот был готов стоять рядом с ними насмерть хоть до рассвета.

Неожиданно для лейтенанта-фельдфебеля именно это об-

стоятельство оказалось чрезвычайным.

– Он меня знает в лицо,– сообщил ему неприятную новость Отто, услышав откуда им следует доставить продукты.– И медсестры тоже знают,– добавил трагизма обер-лейтенант.

– Решим проблему так, вы на полпути меня ожидайте и носите сюда, а я соответственно оттуда,– нашел выход лейтенант-фельдфебель и процесс пошел. Всего час потребовалось на то, чтобы перетащить упаковки в укрытие. А уж здесь, друзья по несчастью, восполнили сразу столько калорий, что к концу трапезы уже глаза у них не могли смотреть на русские эти консервы-сюрпризы. Особенно на перловые.

– Как они их различают? В которых чего?– пнул пустую банку носком сапога Отто.

– Там цифры есть на крышках. И каждый красноармеец знает, какие мясные, а какие нет,– поделился сокровенными разведанными фельдфебель.– Нужно отсортировать. Вот этот порядок числовой ищите, герр обер-лейтенант,– продемонстрировал он крышку из-под гречневой каши с мясом. И работа закипела. В результате тщательной сортировки с мясом оказалось десять банок и пятьдесят без оного.

– Экономит Сталин на желудках солдатских,– пренебрежительно отозвался о Верховном Главнокомандующем Отто и сложив деликатес в ситор, пнул оставшуюся кучу. Банки раскатились по всему закутку и фельдфебель вынужден был сделать замечание обер-лейтенанту:

– Этот десяток нам на три дня. А идти минимум дней десять. Придется взять, то, что есть. Как говорят русские – "не до жиру, быть бы живу".

– Хорошо, – понял его правильно обер-лейтенант и положил в его сидор еще пару десятков банок не деликатесных консервов. В свой мешок он сложил галеты и сухари, так что по наполненности они выглядели одинаково. – Мне хватит на десять дней этого десятка, – проявил летчик тут же свой аристократизм и фельдфебель, скрипнув мысленно зубами, вынужден был с ним согласиться.

– Хорошо, – кивнул он, решив не конфликтовать, с потенциальной причиной получения Железного Рыцарского креста и великолепной отмазкой от провала поставленной перед его группой основной боевой задачи.

– Вы настоящий друг, Фриц, – расчувствовался Киттель. – Я этого никогда не забуду.

– Тогда спать, спать и еще раз спать. Силы нам потребуются ночью, – закрыл дискуссию Фриц и, устроившись по удобнее, смежил усталые веки. – Подежурьте пару часиков. Потом я. Держите часы, – установил он порядок дневальства и тут же заснул.

Проснулся Фриц, почувствовав во сне какой-то дискомфорт и тревогу. А открыв глаза, понял, почему их испытывал. Отто, измученный последними треволнениями, не выдержал и уснул сидя.

– Черт подери, – выругался фельдфебель и принялся ша-

рить под ногами у обер-лейтенанта, в поисках часов, которые Отто, разумеется, выронил. Наступившие потемки не позволяли осуществлять поиски результативно и Фриц, мысленно перекрестясь /забыв, что он атеист/, включил на пару секунд электрофонарь. Часы, на его счастье, сразу нашлись, но удивили его своими стрелками, которые показывали пять часов после полудня. Фриц поднес механизм к уху и понял, какую оплошность совершил, забыв расспросить старлея-тылови-ка, во сколько он обычно заводил эти часы. Важность этого мероприятия осознает каждый немецкий ребенок с пеленок.

– Черт побери, – опять выругался Фриц и прикинув на глазок, выставил стрелки на десять часов, подсветив еще раз себе фонарем. В результате произведенных манипуляций, в часовом механизме что-то крякнуло и, заводной набалдашник с насечками остался в пальцах Фрица, вывалившись из корпуса. Фельдфебель попытался восстановить целостность механизма, но чертовы часы не пожелали принять штырь обратно, тикая при этом вполне исправно.

– И как теперь это заводить? – растерялся Фриц. – Что делать?

– Ничего не делать, – услышал он в ответ голос Отто. – Эти часы собирал идиот, у них завода хватает на десять минут.

– Десять минут – это очень мало, – огорчился фельдфебель.

– Один раз они тикали целых полчаса, – обрадовал его Отто.

– Что вы говорите?– не поверил своему счастью фельдфебель и, размахнувшись, собрался вышвырнуть русские часы, непредсказуемые, как все у этого народа, к чертовой матери, но Отто перехватив его руку, попросил:

– Фриц, подарите их мне. Если мы вернемся, то я стану их показывать своим друзьям. Пусть они посмеются и поймут, с какими варварами мы воюем.

– Держите,– протянул ему часы Фриц.– И рукоятку заводную не забудьте,– сунул он ему в ладонь сантиметровой штырь с набалдашником.

– Ну, что вы – это же главная деталь,– Отто на ощупь вставил штырь в отверстие. Опыт, приобретенный им в обращении с этим механизмом, вполне уже это ему позволял проделывать. Сунув главную деталь во второстепенные, нажав и услышав, что в корпусе часов что-то щелкнуло, Отто обрадованно сообщил:

– Тут главное – наловчиться вставлять. Момент поймать нужно. Тогда он не вываливается.

– Желаю удачи,– буркнул фельдфебель с ненавистью вспомнив толстую рожу русского старлея-тыловики. А часы, будто обидевшись на критику, шли потом вполне исправно и без остановок двое суток, удивив этим фактом Отто несказанно.

– Надо же,– удивился он и удержался от критических замечаний, заводя часы в очередной раз. И зря. Часы, будто почувствовав доброжелательное к себе отношение и сочтя это

за слабость, буквально выплюнули из своего корпуса штырь с заводной головкой, а через пять минут встали с мерзким скрежетом.

– Скотина,– выругался Отто.– Хорошо, что не взорвались,– съязвил он и часы затикали, хрюкнув пару раз с явным удовольствием.– Голову даю на отсечение, но этот механизм реагирует на негативное к себе отношение, как живой организм. Он начинает работать, когда его ругаешь,– высказал фантастическую версию Отто и немедленно проверил ее, выдав весь свой запас русских ругательств во всех падежах. В результате этого эксперимента, часы тикали потом трое суток. А Отто, заинтригованный их загадочным поведением не поленился, снял с ремешка и попытался вскрыть заднюю крышку. Но это ему не удалось осуществить. Фиксирующее заднюю крышку стопорное кольцо намертво прикисло в резьбовом соединении и сдвигаться не пожелало.

– Здесь что-то написано. Фриц, вас не затруднит прочесть и перевести?– обратился за помощью к фельдфебелю оберлейтенант и тот перевел.

– Написано, что противоударные и влагозащитные. И еще, что там внутри 16-ть камней.

– Да что вы говорите? А я-то думаю, что там грохочет. А это камни, оказывается, ворочаются,– сдохмил Отто.– Обязательно покажу их нашему механику Вилли Шнейдеру, он до войны работал часовщиком.

– Зачем вам показывать это дерьмо часовщику?– не понял

исследовательского зуда, который накрыл обер-лейтенанта, фельдфебель.

– В них кроется какая-то загадка. Может быть, разгадав ее, я пойму лучше этот народ,– Отто выписал рукой в воздухе такую замысловатую кривую, произнося эту фразу, что фельдфебелю стало ясно – вопросы лучше не задавать.

– Им еще два камня не хватает – этим часам. На один положить, вторым расплющить,– проворчал он все же, не удержавшись. Но это будет потом, а сейчас Фрицу было не до часов. Вернее, как раз о часах он и думал, но не как о вещи, а как о явлении физическом. Нервничал и переживал, что упущено много.

– Выходим,– принял он решение и, закинув ситор на плечи, затянул потуже лямку фиксирующую ремни. Банки консервные сразу же впились ему в спину своими ребрами, и он попрыгал в надежде, что они рассортируются комфортнее для его организма. Банки, брякнув за спиной враждебно, сместились на один бок, перекосив Фрица и, ему пришлось снять все же вещмешок и попробовать уложить проклятые цилиндры более рационально, подложив между ними и спиной

пару упаковок галет. Галеты разумеется сразу же смялись и превратились в мелкое крошево, как только Фриц снова натянул лямки на плечи и пару раз прыгнул, но зато он получил моральное удовлетворение, как любой бы на его месте.– "Я сделал все что мог, чтобы стало жить веселее, но..." – по-

думал Фриц, как любой другой на его месте и выполз из-за печки, стараясь не греметь каблуками. Отто выполз следом и замер рядом с ним, прислушиваясь к ночной жизни вокруг. Жизнь кипела. Восстановленное железнодорожное движение задавало ритм всему населенному пункту. Урчали грузовики и ржали лошади с таким надрывом, что легко можно было представить, что они тащат и сколько.

– Пройдем огородами,– принял правильное решение фельдфебель и полез через заросли акации, стремясь сократить путь. Проломившись медведем и чуть при этом не разодрав в клочья одежду, он повернулся, чтобы помочь оберлейтенанту и в этот самый момент у него над головой прострекотала автоматная очередь. От неожиданности Кранке присел и чуть не нагадил в штаны, но лихорадочно соображающий мозжечок, подсказал ему, хоть и в заполошном режиме, но верно.– " Отто не поставил автомат на предохранитель и зацепился курком за

сучек",– а пилот Люфтваффе, услышав очередь за спиной, почти над самым ухом прозвучавшую, оглушенный ею, слышать никакие подсказки неспособный, рванулся с перепугу вперед, оставляя автомат висящим на кустах и роняя поклажу, понесся скачками по грядкам, воя вурдалаком.

Догнал его Фриц метров через двести, на берегу реки и на всякий случай окликнул, чтобы перепуганный летчик не стал в него палить еще и из пистолета.

– Отто, это я. Не стреляйте,– крикнул он и тот присел при

звуках его голоса, передумав прыгать в воду.

– Что это было?– дрожащим голосом произнес он, сидя на корточках.

– Это были произвольные выстрелы из вашего автомата. Такое бывает, если дослать патрон в патронник и забыть поставить на предохранитель. Курковая скоба зацепилась за ветку и автомат сработал,– Фриц протянул оружие обер-лейтенанту и тот трясущимися руками взяв автомат, взмолился:

– Где там предохранитель, Фриц?

– Я уже поставил,– фельдфебель, отстегнул диск и щелкнув предохранителем, извлек патрон из патронника.– Вот так это следует делать,– продемонстрировал он обер-лейтенанту весь процесс несколько раз.

– Понял, благодарю вас, Фриц,– успокоился Отто, перестав трястись.

– Теперь нам следует, как говаривали в моей группе русские, рвать когти. На выстрелы могут прислать группу.

Фриц не ошибся. Прозвучавшую в ночи очередь без внимания не оставили и десять минут спустя огороды начали медленно и целенаправленно прочесывать. Руководил поисками стрелка бесшабашного лейтенант Федоров и он же заметил среди грядок брошенный сидор Отто.

Поднял, передал солдатику и, подсвечивая фонарем, определил по следам свежим, откуда бежал человек, его уронивший.

– В сторону реки поскакал. И вон через те заросли сначала

ла пролез. Двое туда, остальные за мной,— скомандовал он, устремляясь по следу. Однако лейтенанту сегодня не везло с самого утра и, никого он на берегу не обнаружил.

— Ушли вплавь. Хрен их без собаки достанешь, еще и ночь, хоть глаз коли,— поделился он своими соображениями со старшиной Суворовым.

— А не наши ли это диверсы? Отсиделись в развалинах сутки, пока мы их по степи разыскивали по буеракам. Отоспались и с новыми силами вперед, на юг подались. Наглые и сообразительные. Ведь никому и в голову не пришло их здесь в Щиграх искать.

— Похоже, что ты прав. Но тогда им придется опять идти по тому же маршруту. Другого пути у них нет. Выезжаем немедленно и ждем гавриков верстах в десяти по курсу. Мимо меня хрен кто проскочит,— принял решение лейтенант Федоров и через полчаса комендантский взвод снова грузился на полуторку.

— Пару мешков банок собрали за печкой в схроне, где отсиживались эти гаврики. Наглецы. Прав ты, старшина. Но двое их осталось. Третьего они нагло подбросили к комендатуре в виде покойника. Причем без огнестрела мужик. Как будто танком переехали. Вот как это понять?— поделился опять со старшиной лейтенант своими мыслями.

— Дерзостью это называется. Вот, мол, мы какие. Хрен вам по всему рылу, а не с нами тягаться,— предположил старшина.

– Вот и я об этом же подумал. Выпендриваются. Ничего, скоро встретимся и поговорим по душам,– скрипнул зубами лейтенант.– Мимо меня хрен проскочишь,– повторил он уже сказанное полчаса назад.– А стреляли чего?

– Случайно, видать, получилось. Отто Киттель ведь навроде аристократа и автомат пади в руках не держал до этого. Вот и пальнул случайно,– прикинул наиболее вероятную версию старшина.

– Похоже, похоже. Пальнул и с перепугу мешок потерял. Чего там у него?

– Банки, сухари, котелок, фляга с водой и мелочь всякая. Махорки две пачки, портянки,– перечислил содержимое старшина.

– Продуктами они где-то явно разжились здесь. Даже не взяли с собой все, очень много оставили. Возможно, что есть пособник у них в Щиграх,– предположил лейтенант.

– Или на барахолке выменяли на вещи,– подсказал еще одну версию старшина.

– Или...– согласился с ним лейтенант.– Одно непонятно – зачем выменивать, а потом выбрасывать? Может закладка у них там, заранее приготовленная, была?

– Или сдачи у продавца не было за вещь предложенную. Пришлось брать чохом, а потом выбрасывать,– подсказал старшина.

– Чохом. Это, значит, со склада армейского кто-то крысятничает и на блошиный рынок тащит. Мать иху чмошни-

ков,— выругался в сердцах лейтенант.— Поймаю этих выпендюрежников и первым делом выясню это. Сам лично гада схожу арестую и под трибунал сопровожу,— пообещал он, сплыв за борт полуторки.

Глава 5

Прошлая ночь, которую они отшагали накануне, практически повторилась до мелочей. Только тащить на себе Отто пришлось фельдфебелю самому. Пилот Люфтваффе продержался два часа и, его уже следовало наградить за это Железным крестом, возможно даже и с дубовыми листьями, если учесть, что ноги у него с непривычки болели еще с прошлой ночи. Так что когда рассвет подкрался к горизонту, двойка прошагала расстояние ничуть не большее, чем в прошлую ночь.

Зато теперь фельдфебель учел свой предыдущий промах и обустроиться решил с учетом допущенных ошибок. Нашел овражек и в нем врылся под торчащую молодую березку, безжалостно подрубив ее молоденькие корни и обрекая будущую красавицу, на смерть, в звенящей молодостью юности. Землю изъютую, заботливо прикрыли предварительно снятым дерном, а лаз загородили еще одной березкой, срубив ее под самый корень, чтобы не остался пенек. Даже огрызок Фриц прикрыл травой, чтобы не отсвечивал и когда вполз след за Отто в нору, то подумал не без бравады,— "Здесь нас можно обнаружить только с собакой",— мысль эта ему не понравилась, своей несвоевременностью и он всячески гнал

ее из головы, стараясь уснуть. Но уснуть, как на зло, не получалась, а воображение услужливо подсовывало картинки исключительно собачьей тематики.

Отто же, вымотанный марш-броском, на зависть спутнику, заснул мгновенно и что кстати, вел себя во сне совершенно безупречно. Причмокивал и пускал слюни, улыбаясь чему-то приснившемуся и Фриц, взглянув на его безмятежное личико, в пятнах теневых от листвы березовой, почувствовал такую лютую зависть, что едва не врезал кулаком в это улыбающееся лицо. Сдержался с превеликим трудом, врезав кулаком в рыхлую стену земляную.

– Откуда у них собаки? Они и дрессировать-то только друг друга способны,– успокоил он себя совершенно идиотским заявлением и замер, открыв рот. Ему показалось, что где-то на пределе слышимости именно лай собачий и раздался. Стараясь не потревожить спящего обер-лейтенанта, фельдфебель слегка раздвинул ветви березки, воткнутой напротив входа и замер, не дыша. Шелестела листва, потревоженная им, чирикали птицы, и тархтел где-то совсем рядом русский трактор, что-то волокущий.

– Померещилось,– облегченно вздохнул Фриц, утирая пилоткой испарину, выступившую на лбу. И тут же подпрыгнул перепугано, коснувшись головой низкого свода пещерки. Лай раздался буквально в десяти метрах, яростный и громкий.

– Лисью нору никак Полкан учуял,– услышал фельдфе-

бель голос и понял, что им опять не повезло.

– По норам он специалист,– раздался второй голос такой басистый, что первый по сравнению с ним показался Фрицу писклявым.

– Может шугануть рыжую?– предложил первый голос.

– И на кой она сдалась? Мясо есть не станем, а шкура... Что проку-то от нее? Аль замерз? Ее опять же выделывать надо умеючи,– возразил басистый.– Пущай живет животина. Тварь ить Божья, какая-никакая,– пророкотал он совсем рядом, вселяя в сердце фельдфебеля надежду, что все еще обойдется.

– А у нас лисы не водятся. Я их только в зоопарке один раз видел. Давай шугнем,– заныл противным голосом писклявый и Фриц закусил губу, чтобы не выругаться.

– Ты ровно мальчонка сопливый, который у мамки конфетку просит,– пролил бальзам на душу Фрица, басистый, сам того не ведая.– У нас с тобой времени на энти забавы нет. Наша задача какая?

– Накосить травы для лошадей,– пискнул писклявый.

– Ну, и чего тогда? Вот литовка, вот трава... Коси. Лису ему подай,– проворчал басистый.– Вот сейчас старшина зайвится, и устроит нам такую охоту, что задница потом чесаться будет месяц. Мало он тебе нарядов объявлял? Коси коса, пока роса. Слыхал такую поговорку? Она пока мокрая, вкуснее для скотины.

– А Полкан будет жрать лисятину?– зашел с другого бока

писклявый.

– Этот? Этот что хошь станет,— прогудел уже не так уверенно в своей правоте бас.

– Так давай шуганем, пусть хоть нажрется один раз от пуза. Смотри, облез весь от голодухи. На одних мышах ведь существует. А тут лиса. Полкан, Полкан. Вишь, как хвостом метет. Жрать хочешь, Полкан? Хочет. Вишь, как глазами моргает?— буквально запел писклявый.

– Старшина едет, коси уже,— зашипел басистый басом.— Вона оттель начинай, а я следом пойду. Голоса примолкли и Фриц, вытянув шею, услышал только шорох травы и звон стали. А потом раздалось рычание, и в нору просунулась собачья голова. Такой здоровенной Фриц не видел ни разу и, с перепугу не иначе, сунул носок сапога прямо в собачью пасть.

Пес от неожиданности отпрянул и тоже с перепугу, очевидно, пасть захлопнул. Прокусив сапог и увязнув зубами в коже и портянке. Зацепив при этом пару пальцев Фрица.

– Фу-у-у,— зашипел Фриц, вспомнив запрещающую команду собачью, скрежеща зубами от боли.

Но пес, скорее всего не понимал собачьих команд и рвал сапог на себя вместе с пальцами Фрица, уперевшись в землю всеми четырьмя лапами.

– Фу-у-у-у— ры-ы-ы,— уже еле сдерживался Фриц и дотянувшись до ППШ-а, ткнул стволом в нос Полкану. Удар получился болезненным и пес, ногу выпустив, отскочил на па-

ру метров, а потом зашелся таким истошным лаем, что тут же рядом с лазом слышались голоса. Но уже не только басистый и писклявый, а еще пару – промежуточных тональностей.

– Это Полкаша лису травит, товарищ старшина,– объяснил поведение пса писклявый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.